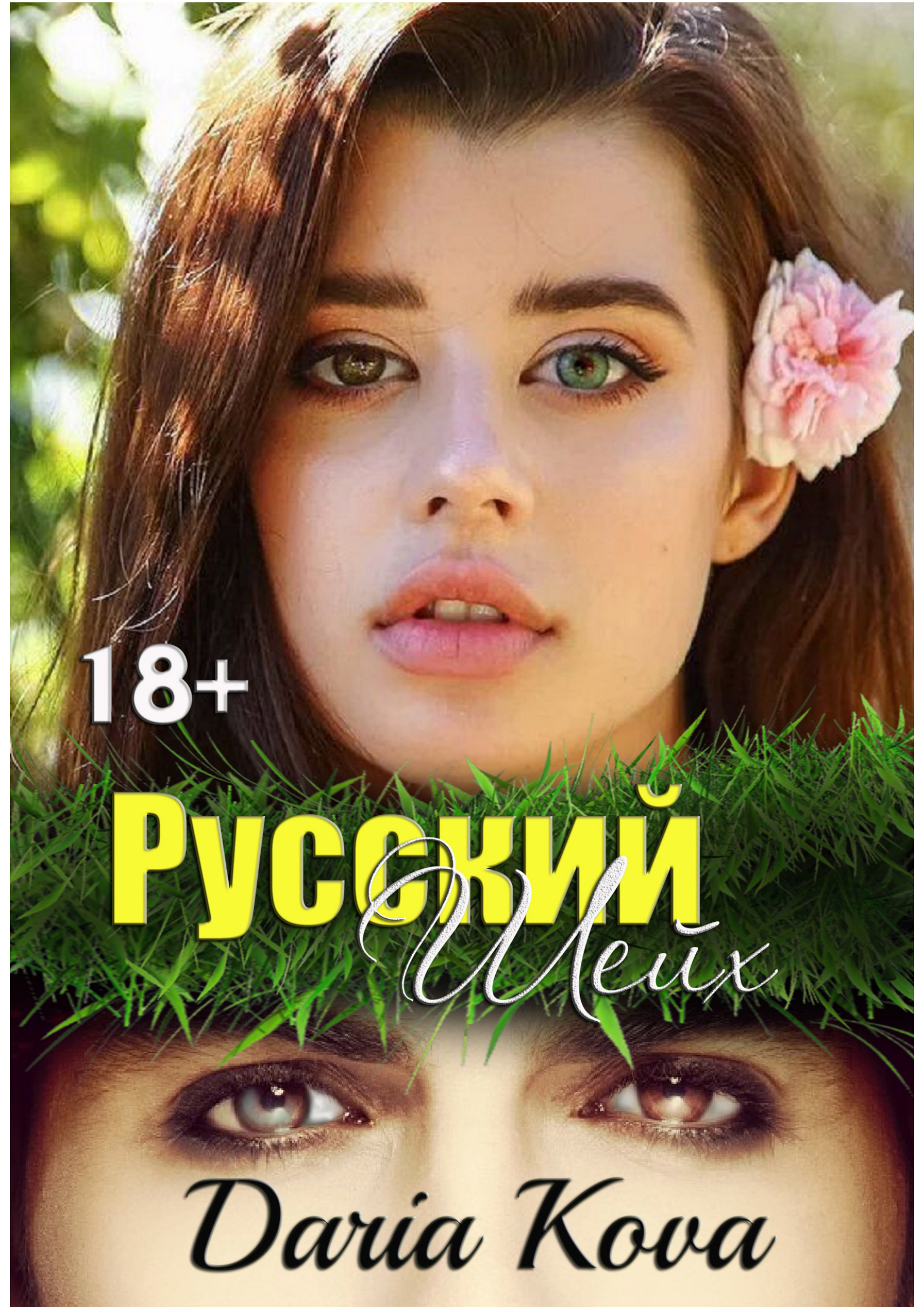

18+

РУССКИЙ
Мейх

Daria Kova

Любовь в стиле Востока

Дарья Кова

Русский шейх

«Автор»

2019

Кова Д.

Русский шейх / Д. Кова — «Автор», 2019 — (Любовь в стиле Востока)

Предательство тех, кто должны быть на защите в чужой стране, сильно подломило мою веру в людей. Одержимый порабощением новых наложниц шейх гнул свою линию, постепенно подавляя меня. Казалось, я теряю свое Я. Меня как будто подменили. Что со мной? Почему древние техники по превращению свободного человека в раба действуют даже в XXI веке? Почему я становлюсь тенью себя? Что за магия? Что за гипноз? Но шейх не настолько владеет этим тайным мастерством. Я ему еще дам бой.

© Кова Д., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	35
Глава 12	38
Глава 13	41
Глава 14	44
Глава 15	47
Глава 16	49

Дарья Кова Русский шейх

Глава 1

Софья Середина

– Ты свободна, – произнес шейх, указав пальцем на дверь.

Свободна... Как жаль, что это слово означает совершенно другое. Свободна значит лишь, что я могу пойти в свою каморку, а не сбежать из гарема. Посмотрев на него с ненавистью в глазах, пылала яростью.

– Будь ты проклят! – прошипела на русском.

Улыбнувшись, подошел ко мне ближе и взглянул в глаза.

– Ты что думаешь, я не знаю русского языка? – шепнул у моих губ.

Приоткрыв от удивления рот, не знала что и сказать.

– Русские девушки, – вскинул бровью. – Они самые вкусные.

– Вкусные? Ты каннибал? – произнесла и холодок прошёлся по коже.

– Нет, я вампир. Не тот, который кровь пьёт, а тот, который пьет твою энергию. Иди!

Мне сейчас не до тебя, – отвернувшись шейх, последовал вглубь огромной комнаты, в которой мы всё время с ним виделись.

Я же развернулась и пошла на выход, где меня уже ждал тот самый гнусный араб, который совсем не церемонился. Схватив меня за предплечье, повел в каморку. Слёзы наворачивались на глаза, но я не плакала. Мне не сладко, это точно, но куда хуже Анвару. Он попытался спасти не только свою сестру, но и меня, он рискнул своей жизнью, своей свободой, своей совестью. Быть может именно из-за меня его и схватили.

Чувствуя вину, понимала, что если мне вдруг удастся как-то сбежать, то именно ему я и должна помочь. Ну я даже не знаю жив ли он. За такое в восточной стране камнями закидают, четвертуют, да что угодно сделают, лишь бы нанести максимальная физическое увечье, сопровождаемое жуткой болью.

– Русская Наташка, – усмехнулся Бородач, произнеся это на ломанном русском. – Ничего, мозг тебе быстро вправят, – он вновь перешел на английский.

Затолкнул меня в небольшую комнатку, в которой я была все это время, и захлопнул за мной дверь. Подойдя к зеркалу, взглянула на себя. На украшение, висящее на пупке, обернувшись, посмотрела на татуировку на спине, которая покрылась коркой. Как мне говорил Мохаммед, через несколько дней татуировка очистится от подсохшей крови и приобретет свой окончательный вид. Она не болела, но немножко чесалась. Всё потому, что заживающая кожа вызывала зуд.

Смотреть на третью метку рабыни не желала. Я чувствовала её там. Именно там внизу. Металлическое колечко касалось нежной кожи, вызывая неприятные ощущения. Быть может если бы это было просто безделушка, которую сама лично бы себе набила, то я бы испытывала какой-то сексуальный трепет. Но на меня это повесили без моего желания, как на корову вешают кольцо в нос, как барану ставят клеймо. Насчёт клейма меня уже предупреждали. Именно оно станет четвертой меткой, а всего этих меток будет 9...

Разместившись на кровати, завернулась в атласное одеяло. Хотелось плакать, рыдать, уткнувшись в подушку, но казалось, что именно со слезами я буду терять остатки своих сил, как будто он и правда высосал из меня всю энергию. Не знаю, как это произошло. Не знаю, в

чём этот секрет. Не понимаю. Возможно это просто самовнушение, говорят ведь, мозг сильная штука, может управлять телом, усиливая его или наоборот загоняя в могилу. Именно мозг из-за этих непонятных ритуалов делает меня податливой, рабыней в XXI веке.

Настроение было паршивым, так бывает, когда тебе кажется, что ты что-то сделал, что провернул что-то удачно, а потом вдруг узнаешь, что всё ужасно. Что все твои действия абсолютно не привели ни к какому результату. Закрыв глаза я задремала, но сон был поверхностный, очень нервный, перед глазами гнусный и ненавистный мной шейх. Вроде бы красивый мужчина, только насколько же он отвратительный человек.

Я знала, что на востоке мужчины относятся к женщинам как вещам. Но с этим особо не сталкивалась, коллеги по работе говорили, что такое отношение редкость. Видно мне очень не повезло, раз я доверилась и сразу же попала в капкан. Как дикий зверь, на которого устроили охоту. Я для них и правда дикий зверь. Необузданный, которого еще следует приручить. Так, как лошадей объезжают эти шейхи. Арабских скакунов настолько сильно дрессируют, что именно они очень ценятся во всём мире на самом высоком уровне. Одна лошадка стоит несколько миллионов.

Любопытно, сколько ж стоит девушка, которая выдрессирована «от» и «до»?! Услышав шорох у двери, открыла глаза. Сердце тарабанило в груди, сразу же накрыли мысли, что меня снова приведут к шейху ставить четвёртую метку. На секунду представить, что к моей коже прикоснётся раскаленное железо, задрожала. В полумраке увидела силуэт женщины, той самой, которая смотрела на меня тогда.

Боясь выдать, что не сплю, всё ещё лежала с закрытыми глазами. Женщина закрыла дверь и подошла ближе, усевшись аккуратно на кровать, коснулась рукой моего плеча.

– Софья, – произнесла на чистом русском.

Не зная, что сделает, боялась пошевелиться. У неё отличный русский язык, без единого акцента. Кто она? Открыв глаза, смотрела на неё в упор.

– Мне жаль, что вас поймали.

– Кто вы? – спросила её, догадываясь, что она такая же невольница, как и я.

Возможно у неё немного больше привилегий, чем у меня. Сняв повязку с лица, женщина показала себя. Невольно ахнув, я опешила. Сильно накрашенные глаза выдавали в ней скорее восточную женщину, но нос, губы, форма лица говорили лишь об одном. Она русская. А сильный макияж просто создает необходимый антураж.

– Я такая же, как и ты, только постарше. Меня украли уже почти 30 лет назад также, как и тебя. пообещав известность, деньги. Меня сюда привезли, накачав наркотиками. Софья, у нас с тобой есть кое-что общее. Я боюсь, что ты повторяешь мою судьбу. Не хочу ни для кого такого же. Я та женщина, у которой украли не только свободу и выбор. Я та женщина, у которой отняли ребенка, выдав его за сына шейха и его законной жены.

– Не поняла, – в голове никак не укладывалось, насколько она правдива.

И действительно ли хочет помочь. Быть может я лишь просто пешка в чьих-то руках. Но то, что я ей составляю конкуренцию к сердцу шейха, вряд ли. Женщина значительно старше меня, такое ощущение, что ей 50.

– Я вас не очень-то понимаю.

– Шейх Рашид мой сын, – произнесла она, опустив глаза.

– Что? Вы же наложница? Правильно?

– 26 лет назад законная жена шейха Абдулы умерла в родах, вместе с ней умер и их ребёнок. В те же дни родила и я от шейха мальчика. У него так какая же особенность, как и у меня. Как и у тебя... Из-за этой особенности я ношу контактные линзы. Шейх Абдул Мактун, что правил тогда, забрал у меня сына и выдал его за ребенка своей законной жены, которая умерла в родах. Рашид мой сын.

Открыв рот, перестала дышать. С ума сойти. Разве такое возможно? Не задавая вопросов, просто смотрела, внимательно изучая её лицо. За исключение тёмно-карих глаз, ее лицо неё было типично славянским. Только она уже сказала, что у нее линзы.

– Как вы можете мне помочь?

– Я помогу не только себе, но и себе. Я сбегу вместе с тобой.

– Как мы сможем сбежать? Я уже пыталась, мне не только не помогло консульство, они меня подставили. К кому ещё можно обратиться? Остальные для меня чужие. Им вообще плевать на меня. Разве кто-то захочет подставлять себя под ярость шейха? А шейх будет очень зол, если я снова сбегу. Я очень хочу убежать, очень хочу вернуться в Россию, но у меня даже нет мыслей, как я могу это сделать. Кажется, в следующий раз, если меня поймают, то сразу же убьют. Я сегодня говорила с шейхом и он дал понять, что не станет со мной церемониться больше, – слёзы брызнули из глаз.

О том, насколько я хочу сбежать, не ведает никто. Только я сама знаю это. Многим, наверное, кажется, что жизнь в гареме не так уж и горька, что даже в ней можно найти много радости. Но я не хочу испытывать судьбу, не хочу пробовать. Для меня роль рабыни в руках всевластного мужчины настолько же противоестественна, насколько для него же быть рабом в руках женщины.

– Софья, я не говорю тебе бежать прямо сейчас. Я и сама не готова. Получается, просто брошу своего уже взрослого сына, за взрослением которого я наблюдала со стороны. Которого я так хотела взять на руки, когда он маленький бегал по саду, ведь я из своего окна смотрела за ним, роняя слезы. Мне очень хотелось прижать его к груди, поцеловать, поговорить с ним, узнать о том, что его волнует, что его тревожит. Узнать о его мечтах. Я была лишена всего этого. Я знаю, скорее всего, ты тоже родишь, но уже от моего сына.

– А вы с ним говорили? Он знает, что вы его мать?

– Не знает, – опустив глаза, произнесла.

– Если ему сказать? Может он изменится?

Посмотрев на меня взглядом, в котором читалось недоумение, женщина продолжила.

– Софья, он вырос, осознавая, что он шейх, что он законный сын шейха. Не ребёнок от наложницы, а рождённый от законной жены шейха. Даже если он поверит, то убьёт всех, кто может узнать правду. Потому что все, кто знал о подмене, уже мертвы. Его отец сказал мне держать язык за зубами. Тебе я доверилась только потому, что ты повторяешь мою судьбу.

– Почему повторяю вашу судьбу? Разве мало здесь наложниц?

– Наложница, в том-то и дело, что много, но таких, как ты, мало...

Глава 2

– Каких? Что во мне особенного?

– Цвет глаз. Он у тебя разный. У арабов есть поверье, что у людей с разными глазами две души. Не знаю, как тебе объяснить, опираясь на современный лад, но приблизительно это выглядит так. Есть некая космическая субстанция. До XX века её называли эфир. А потом физики отказались от этой теории из-за Эйнштейна. Но суть не в этом, а в том, что многие религии, в том числе ислам, предполагают, что над землёй есть эфир. Особое вещество, которая содержит бесчисленное количество энергии, она может создавать вещество.

– Как это вообще связано со мной? – усмехнулась.

– Понимаю, звучит бредово, но с помощью человека, особенного такого, как ты, можно кое-что получать из эфира.

– Знаете, звучит так странно... из эфира. Как будто речь о телепередаче.

– Так и есть. Как думаешь, почему говорят про радиоволны выйти в эфир? Именно поэтому.

– Да, очень похоже на каламбур, удачный каламбур. Но, наверное, в эпоху расцвета радиоволн это и имелось ввиду, – закачала я головой, анализируя, кто же мог придумать эту фразу.

Попов? Но спрашивать об этом у женщины, живущей под гнётом арабских мужчин, я не планировала. Она впитала их верования, их образ жизни, мысли. Хотя, честно говоря, размышляет и разговаривает она вполне себе здраво. Только все эти какие-то сказочные мифы, на которые она ссылается, конечно не добавляют ей веры.

– Хорошо, так что получается? Они что колдуны? Могут потом с помощью волшебной палочки сделать какое-то превращение? – усмехнулась.

Хотя смешного конечно мало. Из-за их бредовых мыслей меня здесь держат взаперти.

– Ты же понимаешь, что это энергия может быть в разной форме. Есть электрическая энергия, есть кинетическая, есть ментальная.

– Что значит ментальная?

– Ментальная это энергия сознания.

В голове никак не укладывалась фраза «энергия сознания», она звучала слишком странно. Раскрашивать дополнительно как-то не хотелось, казалось, в этих дебрях просто невозможно разобраться. Хотя просить рассказать эту женщину и не нужно было, она и сама продолжила свой монолог.

– Ты думаешь почему они такие богатые. Почему такие влиятельные? Их энергия разума всегда подпитывается эфиром через таких как ты.

Я, разумеется, не верила в эти сказки, но холодок прошёл по коже. Быть может это всего лишь самоубеждение, различные тактики, вроде «мысли материальны», только от этого стало еще страшнее. Если люди могут сами себя убедить в чем-то, от чего их жизнь приобретает строго продуманный ими смысл, значит, и я своими мыслями, которые привели к определённым последствиям, виновата в том положении, в каком нахожусь сейчас. Значит, в этом причина того, почему я похищена.

– Меня зовут Светлана, извини, что не представилась. Это моё русское имя. Имя, которым меня называли уже много лет назад. Здесь меня зовут Амина.

– Светлана, как вы можете мне сбежать?

– Как пока я не могу тебе сказать, это для твоей же безопасности.

– Для моей безопасности? Звучит довольно странно. Как знания о том, что я смогу всё-таки сбежать, повлияет на мою безопасность?

– Ты забываешь, что они обладают навыками не только подавления воли человека с помощью различных манипуляций вроде татуировок, пирсинга или клеймирования. Они используют наркотики. Скополамин. Даже знать не будешь, что расскажешь всё. Если предыдущая манипуляция не действует, каждое новое давление усиливается. И наркотики один из способов. Его, кстати, применяли еще с древних времен.

– Серьёзно?

– Да, скополамин входит в состав пасленовых. Они умели его извлекать.

– А вас наркотиками не накачивали?

– Да, когда привезли. Но потом – нет, я ведь любила отца Рашида до самой его смерти. Видишь, какой может быть глупой любовь. Тебя давят, подавляют, унижают, ставят ниже плинтуса, А ты любишь. По правде говоря, Абдула тоже меня любил. Хотя довольно-таки короткое время. Вот, – достала она из кармана какой-то маленький бумажный свёрток. – Возьми. Когда тебе будут делать клеймо, засунь под язык, не так больно будет. А пока я пойду. Крепись, держись, ты сможешь.

– Стоите! Мне говорили, что если шейх разлюбил наложницу, то её продают другому до тех пор, пока она не может уже служить в качестве сексуальной игрушки. А потом отправляют... отправляют на органы. Как вам удалось этого избежать?

– Только по одной причине, потому что я мать Рашида. Шейх не мог отправить мать моего сына на верную смерть.

Выйдя из комнаты, Светлана оставила меня одну. Глядя на закрытую дверь, грустила. Подумай только! Если она его мать, то находится в Эмиратах уже около 30 лет. И пути назад нет! Человеку перевернули всю жизнь, вырвали из привычной среды, погрузив туда, где ей находиться чуждо и противостоит. Понятно теперь, почему он знает русский язык. Его мать русская. С другой стороны, официально он же ребёнок законной жены шейха, значит, не должен узнать о родстве с наложницей.

Сидя в четырёх стенах, чувствовала себя разбито. Не могу никому помочь, ни себе, ни другим. Решив в который раз осмотреть свои апартаменты, начала рыться в шкафу, в котором висели совершенно неподходящие для меня вещи. Тёмные одеяния скорее походили на траурные. Но в шкафу было много и ярких тканей. Рассматривая причудливые узоры, украшенные россыпью блестов, камушков, пайеток, совсем не представляла себя в них.

Хотя тот наряд сексуальной бортипроводницы, наверное, я бы приобрела себе в гардероб, чтобы порадовать своего парня или даже жениха, если такой появился бы на горизонте. Раздвигая вешалки справа налево, увидела на задней стенке шкафа что-то накорябано. Внимательно всматриваясь, пыталась разобрать, что же означает эта надпись.

Она была написана очень слабо, как будто каким-то очень не прочным материалом. Поняв, что написано на русском, да ещё и... скорее всего, ногтями, я поежилась. Из написанного я сумела разобрать это «Марина Тарасова 14 июня 17».

Что означает эта дата? День, когда эту Марину привезли? Или когда увезли? Вдруг слезы накрыли глаза... Я почувствовала себя как в каком-то месте, где ранее проходили ужасные события. Сейчас тоже ничего не поменялось. До сих пор в этой комнате находится принуждаемая к сексуальному рабству девушка, которую обманом и силой привели в гарем.

Услышав шорох за дверью, резко дернулась, боясь, что буду застигнута врасплох. Сильно стукнувшись о дверцу, скривилась. Закрыв шкаф, отошла от него. В комнату вошел Мохаммед. Зачем он пришел, я уже догадалась... Из-за клейма. Я не в той степени подчиненности, какая ему нужна.

– Нет, пожалуйста! – взвизгнула.

Но он совсем не смотрел на меня. Его равнодушный взгляд, устремленный куда-то вдаль, злил. Сволочь! Подонок! Как он может быть таким бессердечным? Зыркая глазами по комнате, думала, где же взять какое-то оружие, чтобы хотя бы слегка его ткнуть. Мои царапанья для

него не более чем игры котенка. Но не могу же я быть податливой тряпкой, которую куда ни кинь, она безропотно подчиняется?!

«Если предыдущая манипуляция не действует, каждое новое давление усиливается» – вдруг вспомнились слова Светланы... А ведь действительно... Они будут давить до тех пор, пока не придется использовать наркотики. Там уже можно совсем потерять свою сущность. Может стоит быть умнее? Может стоит подчиниться?

Одна лишь мысль об этом вызывала отвращение, но не будет ли это для меня спасением?! Скрипя зубами, мечтала, что в моих руках появляется огромный смертоносный кинжал, которым я, круша всех, прорываю себе дорогу на свободу.

Эй, вселенский Эфир, ну-ка помоги! Спаси меня! Дай мне этот меч! Позволь мне спасти себя от этих извергов! Ведь мысли материальны?! Так?! Так помоги мне! Я мыслю о свободе, о спасении! Помогите мне!!!

Но в руках не появилось никакого оружия. Ни одного шанса на неожиданное спасение. Только Мохаммед, стоящий рядом, взял меня за предплечье и усадил на кровать. Протерев предплечье спиртовой салфеткой, включил в розетку штуку, похожую на плойку. Опустив голову, ждала экзекуции...

Услышав щелчок, поняла, что это электрическая вещица явно предназначена для клеймирования. Сейчас они не разогревают клейматор на кострах. Им достаточно включить его в розетку. А щелчок обозначал лишь одно – он разогрелся до необходимой температуры. Взглянув, увидела зеленый индикатор готовности. Сердце готово было выпрыгнуть из груди от страха. Ненавижу боль. Вспомнив на секунду, как один раз пролила на колени горячий чай, покрылась холодным потом. Это было ужасно. Но сейчас будет гораздо хуже.

У горячего чая температура не более 100 градусов... А вот у клейма, которое оставляет пожизненный шрам, – минимум 200-300. Хотелось кричать и звать на помощь. Но смысла в этом не было. Скорее был вред.

Сжавшись, закрыла глаза, зажимая в руках тот маленький сверток, который дала Светлана. Ранее я не собиралась его использовать. Кто знает, что она мне дала. Быть может яд. Ведь вероятность, что она в застенках сошла с ума, крайне высока. Может для нее спасение меня это моя погибель?!

Но при мысли о том, что сейчас мне будет очень больно, я вдруг захотела закинуть эту таблетку под язык. Мохаммед выключил клейматор из сети. Резко схватил меня за руку, прижал со всей силы к коже всего на секунду. Адская боль пронзила насквозь, как тысячи игл. Закричав, упала на пол. Боль не слабела, она только усиливалась. Дрожащими руками развернула сверток и закинула таблетку под язык. Наступила темнота...

Глава 3

– Маджнунон, маджнунон¹ – слышала бесконечную монотонную арабскую речь.

С трудом открыв глаза, увидела стоящую возле меня женщину. Она что-то говорила, чего я вообще не могла разобрать. Посветив фонариком в глаза, взяла в руку шприц и вонзила его иглу мне под кожу. Скорчившись, я застонала. Но женщина на меня не реагировала, она выбросила использованный шприц и вышла из помещения.

Неподвижно лежащая, я смотрела на потолок, стараюсь осматриваться. Что произошло? Где я? Жужжащая боль, что было на предплечье, стала напоминать мне. Боль становилась всё сильнее, нарастая с каждой секундой. Болело клеймо, которое мне поставил Мохаммед.

Проклятый гарем и его идиотские традиции! Но орать, качать права, как-то доказывать, что они все с ума посходили, у меня не было намерений. Не было сил противостоять.

Постепенная экзекуция, медленное членовредительство – всё приводит к подавлению воли. Теперь я это точно понимаю. Уж лучше заткнуть рот, чем терпеть постоянную боль и унижение. Впрочем, унижение в любом случае придётся терпеть.

Но я слишком ненавижу боль, чтобы лишний раз себя ей подвергать. Поэтому выбирая между двух зол, а равно между унижением и болью, я выберу первое. Уж лучше подчиняться его сексуальным прихотям, чем допускать шрамирование моего тела. Что там у них после клейма? Нанесение порезов в виде узоров?

В комнату, в которой я была, вошел мужчина. Тот самый медик, что встретил меня после прибытия в гарем.

– Ой, и дура же ты! Зачем выпила мышьяк? – спросил меня на английском.

– Что? – не верила я своим ушам.

– Вот скажи мне, пожалуйста, Софья, зачем ты это сделала? Ну и откуда взяла?

– Мне дали. Я нашла, – быстро ответила.

Не знаю, стоит ли её сдавать или, возможно, с её стороны это была милость. Женщина прожила порядка 30 лет в гареме. Кому, как не ей знать, насколько это сложно. Всю жизнь угрожать на пресмыкание перед мужчиной. Да ладно бы получить какую-то взаимность, так нет, мало того, что растоптали, ещё и ребенка отобрали, выдавая его за чужого.

Не знаю почему, но я не стала её выдавать.

– Кто тебе дал? Анвар? Мохаммад? Может это была Амина?

– Кто?

– Амина.

– Амина?

– Да, местная сумасшедшая.

– Нет, я нашла это у себя в комнате.

– Ты же сказала, что тебе это дали.

– Кто-то же принёс в комнату, значит, дали.

– Ой, Софья, ты покрываешь того, кто хочет тебя убить.

– Серьёзно? Убить? Разве меня здесь кто-то хочет убить? Я никого не покрываю! А вы желаете мне только добра?

Дядька усмехнулся. Добра. Ему это слово, видимо, вообще неизвестно. Сколько через его руки прошло таких же девушек, как я, которых обманом притащили в гарем. Сколько здесь девушек, коих отбирают, словно лошадей для шейха Мактуна.

¹ Маджнунон (русская транскрипция арабского слова) – дура.

Он, наверное, даже и сам сбился со счёта. Кого-то видел всего один раз, кого-то – дважды. А кому-то, вроде меня, не повезло. Шейх желает видеть чаще... Нас подавляют по самое не хочу.

– Софья, скажу тебе по доброте душевной, так сказать по-отцовски, – вдруг погладил по голове.

– По-отцовски? Ничего себе у вас отношение к дочерям!

– Не цепляйся к словам! Послушай дальше. Мой тебе совет: будь покладистой, вообще не перечь шейку. Когда заходит, опускай глаза, не смей смотреть на него, если он тебе сам об этом не говорит. Как только ты будешь подходить под определённый норматив, тебя перевезут более приемлемые условия. И пойми, будешь сопротивляться, добавят, тебя всё-равно заставят делать то, что от тебя требуется. Только будешь ли это ты, уже сомнительно.

– Я это уже поняла. Я готова подчиняться, – опустила глаза.

– Вот и отлично, сейчас я переведу тебя обратно в твою комнату, потом ты встретишься снова с шейхом. Если он решил, что ты готова, то тебя переведут в другую часть гарема. Думаю, девочка! Думай головой! – последние его слова говорили о действительно какой-то заботе.

Он прекрасно понимал, что они творят. Но, наверное, даже если бы хотел помочь, ничего не смог поменять. А вот дать дельный совет в столь суровых условиях он вполне смог.

– Дай руку, – потянул меня за запястье. – Можешь встать?

– Кажется, да, – тихо ответила.

Стало ужасно грустно. Либо Амина или, как по-нашему, Светлана, сумасшедшая и она желает мне только зла, либо её план спасения заключался лишь в том, чтобы лишить меня жизни. И в том, и в другом случае я теряла единственную надежду спастись. А это значит, что я потеряла последнее, что теряет человек.

Надежда... Она уходит последней. И, кажется, именно сейчас она покинула меня. Стало очень грустно, как будто душу из меня высосали, вытряхнули из меня мою сущность.

Поднявшись, пошла ведомая доктором, который, как только мы вышли из комнаты, передал меня в руки какого-то арабского паренька на побегушках. Такого же, как был Анвар. Снова, ведя меня по обжигающим пескам пустыни между зданиями, привел в каморку.

Я как будто не находилась в реальности, как будто смотрела фильм или играла в компьютерную игру. Казалось, что всё происходящее нереально. Оно не может быть реальным. Разве бывает, что человек так легко отказывается от воли к свободе?

Оказавшись в «своей комнате», осмотрелась. Всё было, как прежде, только лежащая на полу насадка от клейматор, которую, видимо, в стрессовой ситуации уронил Мохаммед, нарушала стандартную идиллию. Он меня, когда пришёл, прервал от рассматривания тайной надписи, что сделана была неизвестной мне девушкой. Скорее всего такой же несчастной, как и я.

Только подойдя к шкафу, чтобы открыть, вновь услышала скрип двери. Что с вами? Ни минуты покоя! Даже после отравления шпындают туда-сюда без остановки! На пороге стоял проклятый араб.

– Переоденься, шейх хочет увидеть тебя в том наряде стюардессы, – усмехнулся, обнажая крупные зубы.

В душе не было никакого противостояния. Как только я попала сюда, меня заставили одеться в этот наряд. Только мне казалось это игровой, даже в чём-то соблазнительной. Зато сейчас всё иначе. Это не игра. Всё серьёзно. Хотя это всё и реальность, играть мне всё-таки придётся. Играть роль той, кого ждёт от меня шейх.

Сегодня он хочет увидеть нескромную стюардессу. Завтра это будет кто-то другой. Кому отведётся роль: мне или еще одной девушке, решать шейку.

Отвернувшись от араба, который почему-то даже не подумал выходить, открыла шкаф и достала проклятый наряд. Гадкий мужик облапал меня взглядом, Но я и не думала его стесняться.

Скинув с себя платье, бросила его на кровать. Надевая провокационный наряд, сверху на плечи надела тонкий халатик, чтобы скрыть от посторонних глаз своё обнажённое тело. Повернувшись к рабу, видела его голодный взгляд. Будто он никогда не видел женщин в таком виде.

Удивительно, ведь здесь каждая девушка бесправна, ему ничего не стоит посмаковать любую взглядом. Трогать, наверное, ему всё же нельзя, но смотреть... Вполне доступно.

Высокомерно окинув меня взглядом, всем своим видом давал понять, что презирает женщин. Не знаю, кто ему так насолил, но определённо какая-то европейка. К нам у него какое-то предвзятое отношение. Не на пустом же месте?! Переубеждать взрослого дядьку в несправедливости суждений я не собиралась, это его дела и проблемы.

Хотя проблемы скорее у меня, чем у него. Схватив меня жёстко за плечи, потащил к шейху. Спасибо, что хватил не за то предплечье, на котором красовалась новая заметка, выжженное несколько часов назад клеймо.

Снова шаркая ногами, понимала, что голова у меня слишком кружится. Перед глазами все плыло, видимо, токсин так и не вышел полностью из организма. Последствия его циркуляции всё ещё оставались. Меня определённо тошнило.

Уже на подходе к помещению, где меня принимал постоянно шейх, поняла что меня вот-вот вырвет. Прижав руки ко рту, пыталась остановить позывы рвоты.

– Что с тобой? Ты вся зеленая! Беременная что ли? – смотрел на меня с прищуром.

– Я отравилась. Вы что не в курсе? – единственное, что смогла произнести до того, как меня начало рвать.

Стошнило меня как раз на его ноги. Не в силах остановиться, чувствовал облегчение. Видимо, какие-то остатки яда были в желудке. От них следовало максимально быстро избавиться. Почему об этом не подумал доктор? В первую очередь нужно промывать желудок. Что они за врачи такие?

– Как ты отвратительна! – прошипел он с омерзением глядя на свои изгвазданные ноги.

Вытерев тыльной стороной ладони рот, встала и вымученно улыбнулась арабу.

– Я готова к приему шейха, – произнесла, понимая, что мне стало действительно легче.

Правда, единственное, что хотела, это прилечь и выпить воды. Чтобы никто не трогал хотя бы несколько часов.

– Ты с ума сошла! В таком виде не явишься к шейху! Раз ты ещё такая своенравная, сегодня вечером тебя ждет пятая метка.

Схватив меня за предплечье, на котором было клеймо, потащил обратно. Чувствуя ужасную боль, роняла слёзы. Но сил противостоять ему не было, более того, даже не была желанием схватить нож и воткнуть ему в глотку.

Глава 4

Шейх Мактун

Новую наложницу, которая всё никак не желала остепениться, Ихаб должен был привести еще пять минут назад. Я уже терял терпение...

Мое внимание привлек шорох. Подойдя к двери, из которой ее обычно приводили, дернул ручку. Там стоял Ихаб, и странного вида девушка. По-моему, её зовут Софья. Постоянно забываю. Хотя она конечно на данный момент самая яркая из всей моей коллекции.

– Что за заминка? – спросил своего помощника.

– Извините, господин, девушке плохо. Её нужно увести обратно в покои, – сжался он от страха.

– Я сам разберусь, – пальцем указал завести её в оранжерею.

Проследовав внутрь, шёл, не оглядываясь. Ей сделали клеймо. Возможно из-за этого она себя плохо чувствует.

Понимаю, неприятно. Но это нужно для неё, а не для меня. Ей пора усыпить своё прошлое. Для большинства клеймо хорошее средство. Ей тоже должно помочь. Софье пора понять, что она моя собственность. Аллах подарил ей возможность радоваться вниманию самого шейха. Мало кому выпадает столько чести и счастья.

Оглянувшись, окинул её взглядом. Да, ей не очень хорошо, это видно невооруженным взглядом. Она действительно плохо себя чувствует. Но мы, по крайней мере, поговорим. Мне всё же интересно, откуда родом мои вещи. Я пригрел её у себя, всегда важно знать, что может новое приобретение принести.

С этими русскими много проблем. Отец говорил, что русских девушек слишком сложно обуздать. Своенравные, дерзкие, ленивые, считают, что все им должны, совершенно не знают своего места. Впрочем, говорят, чем сложнее добыча, тем интереснее. Обуздать и привести в чувства такую девушку, дорогого стоит. Тут уже появляется какой-то спортивный интерес.

– Подойди, – произнес.

Глядя на нее, пытался поймать взгляд. Только девчонка не смотрела на меня. Она опустила глаза, не решаясь даже двинуться с места.

– Подойди, – повторил, отчего она вздрогнула и зашагала неуверенной походкой ко мне.

Вновь стараясь поймать её взгляд, который мне так понравился и взбудоражил кровь, злился, что она всё ещё не смотрит на меня.

Схватив её за руку, прижал девушку к себе, трогая нежные прелести под тонкой тканью халатика. Мне сиюминутно захотелось овладеть ей.

– Смотри на меня, – произнес, всматриваясь в её глаза, которые она так и не поняла на меня.

Коснувшись пальцем подбородка, поднял её голову и посмотрел в глаза. Казалось, что она постарела лет на 10-20. Причём постарела не внешностью, а именно взглядом. Что с ней? Неужели всему виной клеймо? Не может такого быть, оно ведь только помогает. Мне нужна страстная молодая женщина, а не робот.

Возможно всему виной то отравление, поэтому взгляд просто уставший. Девчонка не выпалась, скорее всего... Немного поправить здоровье и снова будет сиять как звезда. Моя звезда. Облизнул губы, прижался к её прохладному лбу.

– Можно мне прилечь? – спросила она. – Я себя плохо чувствую, – добавила скромно, чуть слышно.

– Да, конечно, идём, – повёл её к удобным диванам, что были расположены между деревьями в больших горшках.

Усадив её на софе с множеством подушек, сел рядом. Какой-то прилив нежности и заботы вдруг накрыл меня. Взяв кувшин, стоящий на столике, налил ей стакан воды и передал в руки. Отпив глоток, Софья с тяжестью плюхнулась на подушки.

– Можно мне немножко поспать? Совсем чуть-чуть? – шёпотом произнесла, закрывая глаза.

– Спи, – я окинул её высокомерным взглядом, решив пока не трогать.

Какое удовольствие наслаждаться прелестями этой девы, если она совсем не будет отдаваться чувству? Самый смак именно тогда, когда женщина плавится от прикосновений мужчины, словно масло под раскаленным ножом. Всё ещё наблюдая за ней, снова сел рядом и потрогал раскинутые на подушках волосы. Меня пленили их нежность и шелк. Подняв прядку, поднес к лицу. Тонкий вкусный аромат закружил голову.

Распростертая на диване Софья так и манила. Но мне пришлось себя сдерживать, чего я никогда ранее не делал. Не в этот раз. Взять силой болеющую девушку не то... Это не принесёт мне того удовольствия и необходимой энергии.

Закинув горсть орехов в рот, так и сидел на диване, не тревожа. Девчонка захрапела, чем вызвала у меня улыбку умиления. Только через несколько минут я заметил, что она бледная. Слишком бледная. На лице никакого румянца. Мне даже стало страшно за неё, поэтому я положил руку на прохладный лоб, а после решил проверить дыхание.

Успокоившись, что она всё же дышит, позвонил своему помощнику.

– Вызови мне сюда врача, – быстро бросил ему и положил трубку.

Возможно ей действительно требуется доктор, а не мои ласки. Убрав сползшую на её прекрасное лицо прядку волос, смотрел на неё. Прекрасное лицо. Настоящее произведение искусства. Словно, античная статуя, то ли вырезанная из мрамора, то ли отлитая в специальные формы из искусственного мрамора.

Прохладная бархатистая кожа казалась фарфоровой. Убрав прядку волос за ухо, оценил даже его. Она прекрасна даже ушами, с улыбкой отметил про себя. Аккуратные красивые ушные раковины гармонировали со всем обликом. Тонкая шея, изящные плечи, аппетитная грудь. Её формы не просто аппетитные, они нежные и мягкие, но в тоже время очень подтянутые. Свежесть и молодость её козырная карта. Облизнув губы, коснулся их пальцами, увлажняя их. А потом провёл ими по её пухлым губкам.

Потрясающая девушка, просто потрясающая... Её сложное имя, так трудно запоминающиеся мной, хотелось бы заменить на что-то более ласкающее слух. Хотелось скорее обуздать её буйный нрав и сделать податливой робкой куклой в своих руках. Но видя, что она уже почти достигла нужной кондиции, не спешил додавливать. И так ей сложно. Девчонке предстоит прожить долгие годы в роли наложницы. Моей наложницы. Ей предстоит выполнять все мои сексуальные прихоти и пожелания.

Но я не буду с ней жесток, я буду холить и лелеять. Она, словно домашний питомец, которого кормят и ухаживают за ним, но он обязательно должен выполнять свою функцию. Кошка ловит мышей. Собака охраняет. Наложница ублажает своего хозяина. Я не буду её обижать, если конечно этого не потребует. Тут уже будет зависеть многое от неё.

Взяв её руку, стал рассматривать тонкие изящные пальчики, ухоженные ноготки, а потом не удержался и начал трогать нежную кожу. Она прекрасна. Распахнув халатик, я окинул взглядом открывшиеся прелести. Округлая вдохновляющая грудь в узком лифе, наподобие откровенной униформы стюардесс, будоражило воображение. Так и хотелось снять бюстгальтер и оценить красоту её сосков.

Посмотрев на плоский животик, положил руку на него, обводя вокруг пупка. Пальцы потянулись ниже, к юбочке, которая символизировала униформу бортпроводницы.

У меня есть авиакомпания, в которой работают девушки из разных стран. Но я не пользуюсь услугами самолётов «Мактуна». Для этих целей у меня есть свой частный самолет и не один. Девочки из моей авиакомпании всегда немного будоражили моё воображение. Именно поэтому в моей коллекции уже есть несколько стюардесс.

Но именно Софья является самым ценным экземпляром... Экспонатом, за который я заплатил своему главному помощнику Абдуле. Он снова неплохо заработал, оказав мне хорошую услугу. Я готов платить, но платить только лишь за качественный товар. В деньгах я не скуплюсь, если только платить есть за что. А Софья это товар, за который платить стоит.

Опустив взор ниже, с удовольствием отметил длину её стройных ног и их изящество. Положив руку на бедро, нежно провел сначала до колена, а потом до щиколотки. Обхватив её пальцами, облизнулся. Тонкие изящные щиколотки моя слабость. Она прекрасна. Софья прекрасна.

Замечательный экземпляр для удовлетворения моих самых низменных желаний. Но что самое главное, она из тех, кто не станет сильно распространяться о том, что происходит в спальне. Как только она станет полной моей собственностью, я буду одним из самых удовлетворенных в мире мужчин и это произойдет очень скоро...

В оранжерею зашел врач.

– Господин! Вы вызывали? – кивнув, подошел и преклонил колено.

– Что с ней? Почему она такая? Объясни.

– Выпила мышьяк. Я промыл желудок, провел все необходимые манипуляции. Она будет в норме. Ей нужно поспать несколько часов. Сейчас очень активно работает печень, чтобы вывести остатки яда из организма.

– Через сколько?

– Минимум 2-3 часа. Лучше, если это 5-6 часов, – закивал, боясь подняться.

– Ты как-то можешь сейчас ей помочь?

– Уже нет. Но она справится. Просто нужен покой.

– Покой... Ладно, ступай, – брезгливо махнул в его сторону рукой.

Врач подскочил и рысцой выскочил из помещения. Он меня боялся и уважал, как и любой мужчина в гареме. Они все на службе мне. Они все очень напуганы тем, что служба может сделать их евнухами. Это я так добр и не отрубаю их причиндалы. А вот всякого рода предателям, кто допустил даже один похотливый взгляд в сторону моих женщин, несдобровать. Взять хотя бы турецкого мальчишку на побегушках, который помог сбежать Софье. Анвар, кажется... Вот его точно ждет оскпление...

Глава 5

Наблюдая за наложницей ещё в течении двух часов, удивлялся тому, что сижу рядом с ней. Мог бы просто пойти по другим делам, тем более должен был сегодня встретиться со своими компаньонами. Но ведь отменил встречу... Головой ведь понимаю, что неправильно это всё. Но почему-то к ней у меня какой-то прилив нежности. Странно это всё! Она же только вещь. Болтливая вещь, которая чётко дала понять, что обо мне думает.

Её слова, такие колкие и душевраздирающие, повлияли на меня. Завладели моим сознанием и подсознанием. «Никто тебя не полюбит» – ляпнула она. Глупая, несмышлёная... Ничего не понимает! Меня любят все! Меня боятся, любят и уважают.

С чего это Софья вдруг решила, что меня никто не любит? У меня четыре жены, обожающие меня и поклоняющиеся мне. У меня сотни наложниц, каждая из них любит. Недаром древние технологии изменения воли человека до сих пор работают. Даже если они не хотели поначалу мне подчиняться, после применения всех методов живенько изменили свое мнение.

Что здесь плохо? Кормят, поят, наряжают, за ними ухаживают. Не жизнь, а сказка. Жаловаться моим женщинам не на что! И все они меня любят! Но больше всего мне захотелось, чтобы именно Софья поняла это. Не просто поняла, а сама влюбилась в меня и полюбила всей душой. Да, у женщины нет души, она всего лишь часть ребра мужчины. Но всё же...

Взяв чашку с клубникой, стал есть. Прекрасный плод – клубника. Такой многогранный, дающий море позитива и энергии. Почти также, как одаривают меня своей энергетикой мои наложницы. Только далеко не каждая способна подарить то, что нужно мне. Не знаю, с чем это связано. В древних текстах есть упоминание, но их сложно трактовать. Одна словно наполненный космической энергией сосуд. А другая сосуд, наполненный смрадом.

Софья настоящий космос. Она сама не знает, что способна дать мужчине. Только её настрой нужно поменять, нужно направить её в верное русло, сделать правильной женщиной. Эта западная идеология, что возвращает дьявольские нравы, только приносит вред.

Вдруг Софья открыла глаза и посмотрела на меня испуганным взглядом.

– Где я?

– Не переживай, всё в порядке. Ты со мной, – мягко ответил.

Приподнявшись, она осматривалась, как будто не узнавая помещения.

– Я не понимаю. Где я? – снова она выдохнула.

– Со мной, – присел рядом с ней и погладил её шелковистые волосы.

– Кто вы?

– Софья, ты шутишь? – улыбнулся ей.

Как вдруг она попятилась от меня, закрываясь подушками, словно загнанный зверь...

– Не бойся, я не причиню тебе вреда, – снова улыбнулся, не понимая, как мне реагировать.

У неё что провалы в памяти? Может отравление действительно оказалось довольно серьезным.

– Как ты себя чувствуешь?

– Ответьте мне, кто вы и что я здесь делаю?

– Кто ты? Ты моя наложница. Что здесь делаешь? Ты здесь живёшь для моей услады.

– У меня голова очень болит! – начала она растирать лоб и виски.

Видимо, совсем не вникая в мои слова, Софья продолжала сидеть без единого намека на почтение к моей персоне. Да, плохое самочувствие может сильно ударить по голове, она, получается, совсем растеряла вновь приобретенные навыки.

– Что ты помнишь? – повернул её лицо к себе, внимательно всматриваясь в её космические глаза, пытаюсь понять, что происходит.

Возможно, она врёт?! Не может же быть такого, что два часа назад она всё прекрасно помнила, а сейчас забыла. Только вот её лицо было довольно правдивым, тем более не может же она врать своему шейху...

– Я помню, что приехала в Арабские Эмираты работать стюардессой. Вот всё.

– Ты работала стюардессой в моей авиакомпании.

– А вы кто? Мой парень? – смотрела на меня, хлопая ресницами.

Я не смог сдержать улыбки. Парень... Это тот, кто в странах неверных может пользоваться девушкой, не становясь её мужем. Тоже мне достойное положение. Они смеют насмехаться над восточными женщинами, хотя сами себя совершенно не ценят. Да для западного мужчины его женщина вдвойне услуга. Она работает, следит за детьми, домом, хозяйством, ублажает мужа.

Я же ей уже сказал, что она наложница. Шейх для наложницы не парень, он её господин! И это честь стать наложницей шейха. Странно, что приехав работать в Арабские Эмираты, Софья не узнала об этом. Неужели разумно не учить местных правил и обычаев?

– Как ты себя чувствуешь?

– Немного болит голова, но, по-моему, стало лучше, чем пару минут назад. Можно мне воды?

Взяв кувшин, налил в стакан и передал ей в руки. Такая беззащитная, хрупкая, что хочется заботиться о ней...

– Что ты ещё помнишь?

Посмотрев в мои глаза, задумалась.

– Я помню, что хотела заработать много денег в Арабских Эмиратах и поехать в Сан-Тропе, чтобы купить отель, – облизнула свои соблазнительные губы, которые мне так хотелось поцеловать.

– Хорошая мечта. Реально думаешь, что, работая стюардессой, можно заработать столько денег, чтобы купить отель? – произнес с усмешкой.

Хотя если это отель, состоящая из пары-тройки номеров, тогда, наверное, она смогла бы заработать на него. Но точно не на один из отелей, какой есть у меня в сети. Да, я не самостоятельно заработал первые деньги, заработал их мой отец, но я смог своим умом, смекалкой и отвагой увеличить наш капитал более чем в 30 раз.

Понятное дело, что мечты Софьи об отеле всего лишь крохи, по сравнению с моим бизнесом. Но это похвально, что к своём эмансипированном обществе она ставила себе цели жить самостоятельно. Быть может это и правильно...

Подумав на секунду о своей дочке, задумался. У меня три сына и одна лапочка дочь, в которой я души не чаю. Ей всего лишь три года, но я уже переживаю за её будущее. Она будущая женщина, её ждёт такое же будущее, как и у любой другой женщины Востока. Она станет одной из жён какого-нибудь высокоуважаемого шейха, будет насаждать потомство и ублажать мужа. Только я не очень хочу такой судьбы для неё! А ведь у Софьи тоже есть отец.

Коснувшись рукой своего подбородка, размышлял... Жизнь сложная и многогранная штука. Но на всё воля Аллаха...

– Расскажи о своей семье, – произнёс несвойственную мне фразу.

Обычно меня совершенно не беспокоили члены семьи и другие родственники своих наложниц, не волновало, что они расстались с ними и утратили любую связь. Я об этом абсолютно не думал. Но почему-то рядом с ней эта мысль возникла в моей голове. Она точно обладает какой-то странной энергией. Сильной энергией своих предков.

Положив подушку под спину и закинув вторую себе на коленки, словно закрываясь от меня, подняла глаза и посмотрела, прожигая взглядом.

– Я единственный поздний ребенок в семье, мои родители скромные пенсионеры, живущие в глубинке, а именно в деревне. У них есть хозяйство: куры, утки, кролики, большой ого-

род. Я всю жизнь хотела заработать столько денег, чтобы помочь им, чтобы заплатить им за то, что батрачили всю жизнь, пытаюсь прокормить меня и вкладывая все деньги на обучение. Будучи подростком, часто комплексовала из-за того, что я какая-то не такая, что у меня не крутая одежда, не те возможности, что были у одноклассников. Мне повезло, я училась в одной из лучших школ города. В той, куда устраиваются только детки бизнесменов. Чтобы учиться в школе, я каждый день ездила на автобусе, выезжая из своей деревни в 5 утра. Кажется, это было в прошлой жизни, – говорила она так, словно помнила, кто я и что она здесь делает.

Может это просто игра? Игра на моих нервах, на моих чувствах. Чтобы я осознал, что она хочет мне завуалированно сказать. Чтобы я прочувствовал, что нарушил все её планы на жизнь, что вырвал её из семьи. Но ведь она сама поехала в Эмираты, прекрасно понимая, что для неё есть определенные риски, что так часто происходит с такими девушками её внешности.

Меня не нужно провоцировать, не получится то, чего так хочет. Это Восток! Мужчины решают в жизни женщин всё. У неё не получится заставить меня испытывать приступ сожаления. Я ни о чём никогда не жалею. Это нормально. Мужчина владеет женщиной. И ей пора это усвоить.

– Я могу позвонить родителям? – выдохнула она и я понял, девчонка со мной играет.

Но не на того напала деточка...

Глава 6

– Разумеется, нет, – произнес, готовый взорваться.

Хитрая русская девчонка, решившая обмануть мужчину. Этому никогда не бывать! Вот во что превращается женщина, если ей не управлять, если ее не направлять. Не даром Аллах прогневался на Хавву и опьяненного ей Адама за то, что вкусили запретный плод – яблоко! Женщины во все времена были источником бед! Над ними нужен постоянный контроль, иначе они тянутся ко тьме! Не даром теперь все женщины расплачиваются за свои грехи: страдают каждый месяц и мучаются в родах. Всему есть причина! Но ничего, из этой девчонки я выбью всю дурь.

Очень хотелось взять ее и овладеть всем ее естеством. Но сейчас она больна. А Аллах велел не трогать больную женщину, она должна выздороветь.

– Хорошо, мир вам, – заговорила на арабском, опустив глаза.

Вся моя злость как-то вдруг исчезла. Что это? Колдовство? Или я так рад ее послушанию? Отвернувшись, стал расхаживать возле дивана в задумчивости. Нельзя им верить, европейские женщины очень умелые манипуляторши. Я с этим сам знаком, да и отец всегда об этом предупреждал. Его гарем был куда больше моего. У меня мало времени на плотские утехы. Бизнес отнимает большую часть дня. Не каждый день даже могу приезжать. Да и в последнее время не было той, кто тянула меня сюда.

Как вдруг Абдул принес новую порцию портфолио девушек и я ошалел. Увидев ее, такую невинную и одновременно порочную, сразу же захотел в свою коллекцию.

* * *

– Господин, прошу особенно обратить внимание на эту! – Абдул не смел сдерживать самодовольной улыбки.

– Ну-ка, ну-ка. О, да. Хорошо. И какой цвет глаз! Они у нее разные! – взглянул на своего помощника.

Абдул аль-Самин очень трепетно относился к европейкам, они ему очень нравились. У меня даже есть подозрения, что он не верен своим женам, а якишается со стюардессами. Грязно это все. Нечисто! С женщиной можно спать только по двум причинам: либо она жена, либо наложница. У Абдулы априори не может быть наложниц. Он не шейх.

Только вдаваться в подробности его личной жизни не хотел, хотя и рассчитывал, что все мои люди будут блюсти божий закон. Так меня воспитал отец, а он был самым чистейшим на земле человеком.

– Хорошо, привези мне ее через неделю, я как раз устрою себе небольшой отпуск от дел.

– Господин, только нужно провести процедуры инициации, она же не воспитана в нашей вере. Не знает своего истинного места.

– Я хочу ее посмотреть еще до этого.

* * *

– Можно вопрос? – Софья посмотрела пристально в глаза.

Была в ней какая-то магия, какое-то чудо. Ее глаза разного цвета гипнотизировали. Усевшись рядом с ней на диван, взял ее за руку.

– Спрашивай, конечно, – чувствовал холодные ладошки. – Замерзла?

– Да, – она закивала.

Завернув ее в тонкий атласный плед, начал гладить волосы. Ей еще нужно восстановиться после отравления. Какой-то приступ жалости вдруг вспыхнул во мне, когда трогал ее шелковые волосы.

– Так что ты хотела спросить?

– Согласно Корану, жена это одеяние мужа, а муж – одеяние жены? Я права?

– Да.

– Но почему? Ведь жена сделала из ребра, а муж из глины, – вдруг затеяла несвойственную для наложницы беседу.

– Я не хочу с тобой обсуждать свою веру. У тебя другая задача.

– А какая моя задача? Согласно Корану?.. Кто такая наложница в понятиях ислама? – кажется, она решила пройти по острию ножа.

Скулы свело от злобы. Это нечистая лезет туда, где ей не место. Ввиду своего скудоумия она не способна постичь истину. Но я ведь снисходителен к глупости...

– Упоминаний о наложницах нет в Коране, – произнес.

– Правда? А как же так? – словно издевалась.

– А вот так. Тебе не понять. Наложница это женщина, захваченная в плен на побежденных территориях.

– В плен на побежденных территориях? – эхом отозвалась. – Меня взяли в плен не на побежденной территории, а в офисе Мактуна! – посмотрела на меня с упреком в голосе.

– Ты же понимаешь, сейчас взять в плен женщину в традиционном стиле сложно. Тем более русскую красавицу, – очаровательно ей улыбнулся, явно намекая на отсутствие геополитических интересов.

– Вашу маму так же похитили. Я же права? А кем она работала в Эмиратах, когда приехала. Это же был конец 80-х. Туризм стал только развиваться. Поэтому не очень понятно, как она попала в Дубай.

– Что ты несешь, глупая? – опешил от ее ереси.

– Знаете, почему у меня разного цвета глаза, шейх Мактун? – резко переменяла тему.

От ее дерзости я потерял дар речи. Такая болтливая, бесцеремонная, невоспитанная женщина. Нет, она не женщина. Настоящая женщина знает свое место, а это создание какое-то отребье. Она посмела разинуть свой рот в отношении моей матери! Ее Королевского высочества, первой жены шейха Дубая Халифы аль-Мактун.

Беспросветная тупица! Ей бы помыть рот с мылом! Но я ведь снисходителен к глупости. Не по своей вине она глупа. Это все можно исправить. На то Аллах и дал мне намного более высокий интеллект, чем у этой смертной.

Не удостоив ее ответом, встал.

– Тебя отведут сейчас в свою комнату. Отдохнешь, может покой придаст тебе ума и терпения, – пошел в свои апартаменты.

– Подождите. Извините, если я вас обидела. Просто мне сказали, что вы сын наложницы Светланы, – вдруг бросила мне в спину.

– Я не знаю, о ком ты говоришь. Но тебе лучше не верить всяким слухам, – немного успокоился, отвечая ей умиротворенно.

– Алина... Нет, Амина. Вы ее так называете. Есть же в гареме женщина ближе к 50 годам с таким именем? Вот о ней я и говорю.

– Да, есть. Но она не наложница. Он просто живет здесь.

– А почему она живет в гареме, если не наложница. Она же была наложницей вашего отца.

– Может быть. Я не вдавался в подробности, кто у него был в наложницах, – сам не понимая почему отвечаю на ее бестактные вопросы, произнес.

– Насколько знаю, наложниц не держат столько лет. Их продают. Так?

– Да, через год-два-три. Как только надоест. Не пойму, к чему ты клонишь?

– Почему наложницу могут оставить, но не нуждаться в ее услугах?

Я нахмурился. Есть всего одна причина, по которой наложница остается в гареме даже тогда, когда уже не интересуется шейха... Это рождение ей ребенка.

– Ступай к себе, – еле выдавил из себя.

Злость снова меня заволокла. Девчонка сует нос в те вещи, которые ее вообще не касаются. Она точно ведьма!

Робко поднявшись, пошла к выходу, а я смерил ее хрупкую спину взглядом презрения. Словно почувствовав, что я смотрю на нее, Софья обернулась.

– Моя мама жгучая брюнетка с карими глазами, по национальности она армянка. А вот папа натуральный голубоглазый блондин, он русский. Подозреваю, что именно из-за этого у меня не только разного цвета глаза, но и такая уникальная внешность. А вы подумайте, почему у вас тоже глаза разного цвета. И поговорите уже с Аминой. Она имеет право звать вас сыном. Не верите? Сделайте тест ДНК! – добавила и, отвернувшись, пошла прочь.

Я же так и продолжал стоять, не в силах сдвинуться с места. В голове метались мысли, одна бредовее другой. Она провокаторша! Ведьма! От нее нужно избавиться. Продать ее кому-то, а лучше просто отдать. Эта девчонка вгрызается в мой рассудительный мозг, затягивая в свои сети греха.

На секунду я вдруг подумал, что мой отец мог так поступить. Но он не мог! Не мог записать меня сыном Ее Королевского высочества, первой жены шейха Дубая Халифы аль-Мактун, если бы я был ребенком наложницы. Это невозможно! Это нарушает законы божьи! Нет! Нет! И еще раз нет!

Выйдя из зала с тропическими растениями, отправился в свои покои. Сегодня я оставляю гарем на пару дней. Мне нужно поехать на заседание Правительства. Мне предлагается кресло премьера, а я еще не дал своего решения. Вдруг прищурившись, поднял трубку и позвонил своему помощнику в гареме.

– Подготовь мне Софью для поездки в Абу-Даби.

– Да, Господин! Будет сделано.

Только собираясь положить трубку, на секунду застыл.

– Где Амина? Та самая великовозрастная женщина в гареме, которая здесь со времен отца?

– Где-то гуляет по территории. У нее же свобода перемещения. Какие-то указания в отношении нее?

– Да! Приведи мне ее сейчас же.

Глава 7

Когда мне было года четыре, отец привез меня в гарем. Он не должен был, но так получилось. Я не контактировал с местными обитательницами, я лишь гулял по оазису, искусственно созданному моим отцом. Система орошения рисовала причудливые ровные зеленые круги, в границах которых росли экзотические растения, абсолютно не приспособленные для пустыни.

* * *

Остановившись возле небольшого пруда, маленький Рашид слушал с увлечением кваканье лягушек, что прятались в подводной листве.

– Привет, – услышал он женский голос за спиной.

Повернувшись, посмотрел на укутанную в чадру женщину.

– Привет, – ответил ей.

– Ты Рашид? – ее покрасневшие глаза выдавала то, что она недавно плакала.

– Да. А кто ты?

Опустившись перед ним на колени, смотрела в его глаза. У мальчика один глаз был голубой, другой – карий. Эту маленькую особенность Светлана помнила. День, когда родился ее сын, был в ее памяти поминутно. Как только Рашид появился на свет, его приложили к ее груди. Гримасничая, мальчик открывал глаза. И тогда она заметила их разный цвет.

Сердце у молодой женщины обливалось кровью. Сына у нее забрали в тот же день, дав им только несколько минут. Так решил отец Рашида. Он не выгнал из гарема Светлану и не держал ее взаперти. Женщина выполнила свою функцию – она подарила ему наследника, которого не смогла дать законная жена.

Отец Рашида любил Светлану, быть может даже больше, чем любую из своих официальных жен. Быть может поэтому любовь к сыну была сильнее, чем к любому другому его отпрыску. И поэтому он и сделал его своим главным наследником. Отец Рашида пошел против закона, против совести и против семьи. Он это скрывал. О подмене знали только единицы, которых после пришлось умертвить. Да и со Светланой он прекратил контакты. Отношения с ней не должны были стать причиной пересудов, слухов и испорченной судьбы их общего ребенка.

* * *

Только сейчас, спустя столько лет, я вспомнил тот момент, который прокручивал в детстве в голове много раз. Тогда я не знал, кто она. Но та женщина меня тогда очень напугала. Она показалась странной и даже сумасшедшей. Более я не желал ее видеть. Не желал узнать причин ее сумасшествия. Не хотел об этом ничего знать до сих пор.

– Господин, – робко заговорил мой помощник. – Она здесь.

Обернувшись, увидел их двоих. Амина стояла с закрытым лицом, видны были только глаза, которыми она уткнулась в пол.

– Оставь нас, – буркнул помощнику и тот молнией выскочил из зала.

Амина не поднимала на меня глаз, но я увидел слезы.

– Кто ты? – спросил суровым голосом.

И женщина взглянула на меня таким взглядом, от которого по спине прошел холодок.

– Я была наложницей твоего отца много лет назад! – ответила очень грубо для невольницы.

– Зачем ты пыталась убить Софью?

Она отвела взгляд.

– Я хотела ей помочь.

– Помочь? Как? Убив?

В том, что женщина не в своем уме, я уже убедился. Хотелось понять, почему она прицепилась к Софье, а так же почему лжет.

– Боюсь, она повторит мою судьбу.

– Здесь каждая наложница может повторить твою судьбу. Разве нет?

– Нет. Она девушка, которая западет в твое сердце так же, как и я запала в сердце твоего отца. И она обязательно от тебя забеременеет и уже ты, как и твой отец, забереешь ее ребенка.

– Что ты хочешь этим сказать?

– То же, что сказала тебе много лет назад.

– И что ты мне сказала?

– Я та, кого любил и из-за кого очень стыдился твой отец.

– Почему стыдился?

– Потому что ты незаконнорожденный. Ты сын наложницы. Ты мой сын, – произнесла она равнодушно.

– Это ложь!

– Почему же? Проверь. Мне скрывать нечего. Это твоему отцу, который предал не только меня, но и свой род, было что скрывать.

В голове барабанил пульс. Она вторила тому, что мне сообщила Софья. Но, кажется, Софья не держала зла на Амину за ее поступок. Почему? Она ведь хотела ее убить.

Чего добивается эта женщина? Хочет посеять во мне сомнение относительно веры в добропорядочность отца?! Не получится!

– Ступай! – прошипел.

Амина посмотрела взглядом, полным обиды.

– Ты мне не веришь?

– Конечно не верю. Если бы это было правдой, почему ты сказала об этом только сейчас.

– Потому что об этом знал не только твой отец, но и его помощник Шерхан.

– И что?

– А то! Когда умер Шерхан?

– Совсем недавно. И как это связано?

– Шерхан обещал убить тебя, если я расскажу тебе правду.

– И как бы он это сделал? – усмехнулся.

– А кто, по-твоему, мне дал яд?

Я нахмурился.

– Он и дал. Хотел, чтобы я сама себя убила. А тебе подсыпать яд ему не составляло труда. Думаешь, я обманываю? – выглядела на удивление правдоподобно.

Сняв с головы чадру, вдруг дернула себя за волосы, вырвав прядь. От этого мне стало не по себе, я даже потерял дар речи.

– Проверь. Сравни мой анализ со своим. Ты убедишься, что ты мой сын.

Втолкнув прядь своих волос мне в руку, она развернулась и пошла на выход. Рассматривая светлый локон, чувствовал себя как-то странно. Если то, что она говорит, правда... То это все меняет.

Как отец мог поступить таким образом по отношению к моей матери, да и к своему сыну. Зачем? Чего он добивался?

Но осуждать его я пока не имею права. Мне нужно убедиться, что Амина не врет. Быть может ее кто-то подговорил. Та же Софья, например. Подговорила, чтобы отвлечь, чтобы заставить относиться к себе не так, как она того заслуживает, а лучше. Потому что из-за невольной

аналогии с матерью мне вдруг стало жаль Софью. Но она не заслуживает жалости, это ее участь, это ее призвание служить мужчине.

Сняв прядь волос, положил в карман. В Абу-Даби отдам ее в лабораторию лично...

* * *

Софья Середина

Не успела я зайти в свою комнату, как стоящий за спиной «конвоир», поговорив с кем-то на арабском по рации, бросил мне:

– Быстро переоденься. Ты едешь с шейхом в Аби-Даби.

– Куда? – не поверила своим ушам.

Это ведь возможно шанс спастись. Одно дело торчать в пустыне, пусть и в оазисе. Совсем другое в столице Эмиратов. Ему сложно будет укрыть меня от всех любопытных глаз.

Быстро схватив явно рассчитанный на арабскую скромную женщину наряд, с большим трудом надела. Кажется, я еще могу унести отсюда ноги.

Глава 8

Проведя меня по длинным коридорам, конвоир неожиданно привёл в подземную парковку. Я уж подумала, что мне придётся перемещаться к машине по пескам, но всё оказалось куда проще. Там уже были машины и рядом с ними стоял шейх, он разговаривал с водителем на арабском.

– Софья, а ты каталась по барханам? – вдруг обратился он ко мне.

– Нет, – равнодушно ответила.

– Значит, сейчас покатаешься, – улыбнулся, открывая дверь и запуская меня внутрь машины.

Мне, наверное, нужно быть более благосклонной, не слишком зудеть, не воротить высокомерно нос. Он ведь на такое обижается. Нежная чувствительная натура. Куда мне, циничной стерве, не знающей своё место, понять какво это слышать неблагодарную речь от своих наложниц. Они же должны радоваться за одну лишь возможность быть подле него. Только для меня это далеко не счастье. Сидя в машине, двигалась подальше от шейха, когда он уселся рядом. Мне было неприятно.

Впрочем, может какая-то арабская женщина была бы рада оказаться на моём месте, а я вот сижу, чувствуя какую-то неприязнь к этому человеку, поэтому и не могу сидеть слишком близко. Но Мактун как будто хотел сделать всё наоборот, он двигался ко мне ближе, хотя пространство в машине позволяло нам быть на достаточно большом расстоянии.

Неожиданно для меня, хотя я и привыкла уже к неприятным сюрпризам, он взял меня за руку и стал рассматривать ладонь.

– Удивительная линия судьбы, – заговорил загадочным тоном.

– В смысле? – заинтересованно произнесла, хотя меня совершенно не беспокоили все эти шаманские или какие-то религиозные штучки.

Я девушка неверующая. А для него все эти таинства чистой воды правда. Но сказать ему о моих реальных мыслях я не могла, ведь это заставит Его Величество оскорбиться. Поэтому и приходится изображать интерес, которого и в помине нет.

– Длинная жизнь, очень яркая, насыщенная и интересная. Посмотри сюда, – ткнул пальцем на ладошку. – До 25 лет ты как будто и не жила. Линия смазанная, не четкая, а после... Посмотри, что после. Тебе же 25?

– Да, – ответила, скрипя зубами.

Конечно, если бы не он, то прозябала бы я все эти годы. Ну откуда же столько сомнений? Что их, шейхов, с самого детства этому учат?

– А после 25 у тебя яркая насыщенная жизнь. Ты скоро это поймёшь! – улыбнулся загадочно.

Не знаю что на меня нашло, но я схватила руку шейха, от чего он удивленно приоткрыл рот.

– О, какая интересная судьба! – посмотрела томно в глаза.

– Что? – заинтересованно заговорил.

– Ты знаешь, у меня есть талант. Точнее дар. Моя бабушка была гадалкой, – запорхала ресницами. – Кстати, поэтому у меня разные глаза. Знаешь ли, все ведуньи обладают такой особенностью.

– Кто? – улыбался.

– Ведуньи, – гордо вздернула нос и надула губки. – Это волшебницы, гадалки, таинственные женщины, обладающие даром в России.

– То есть ты ведунья? Колдунья?

– Ну да, что-то вроде этого. Моя бабушка ею была, а я получила от неё дар, – совсем не лукавила, ведь бабуля действительно считала себя магической особой.

Быть может именно поэтому я так не люблю все эти культы, потому что с самого детства меня это раздражало.

– Прекрасно! – сжал он мою ладонь.

– Только важной особенностью является то, что ведунья всегда свободна. Но тебе этого не понять, в вашем обществе женщина бесправна.

– Почему же не понять? С чего ты взяла, что в нашем обществе женщина бесправна?

– А разве это не так?

– Для местной не так!

Спорить не хотела, да и смысла не видела.

Машина тронулась, мы выехали из подземного гаража, оказавшись на асфальтной дороге, по бокам которой был сплошной песок. Это завораживающее зрелище. Пустыня, а с ней бессмысленно борется цивилизация. Песок все время так и норовит засыпать асфальт. И ему это удастся, если не чистить дорогу каждый день. Об этом я уже давно знала, ведь прежде чем приехать в страну, изучала даже такие нюансы.

Через 10-15 минут машина съехала с дороги и сразу же остановилась.

Сопровождающие нас внедорожники так и остались стоять на трассе. Водитель вышел из авто и спустил немного шины. После чего мы снова покатали. Я же смотрела во все глаза.

– А можно мне за руль? – взглянула высокомерно на шейха.

Нет, я конечно не думала, что он согласится, но за спрос не бьют в нос. Хотя... С ними и в нос можно получить за такой вопрос!

– Умеешь водить? – вдруг поинтересовался.

– Конечно!

– Остановись, – сказал он водителю.

Машина резко дала по тормозам.

– Пошли, – усадил меня на водительское кресло, а сам, огибая авто спереди, планировал усесться рядом со мной.

В голове била барабанная дробь. Еще секунда и я упущу шанс раздавить его. Быть может стоит дать по газам и размазать этого сумасшедшего по капоту? Раз и не будет проблем...

Или все же будут? Что ждет ту, кто убила шейха? Наверное, куда более неприятная участь, чем просто быть наложницей. Рука так и тянулась переключить АКПП на движение, но я не решилась. Не решилась размазать его.

Не знаю, что остановило. Быть может страх мучительной смерти тому, кто покусился на жизнь шейха. А ведь он вполне мог выжить, ведь одно дело ударить на большой скорости. Совсем другое – не успев толком разогнаться.

Быть может не смогла и потому, что не в силах я убить человека, даже того, кто держит меня в неволе. Вероятно буду об этом жалеть. Но не могу. Не могу... Он не виноват, что таков. Он рос в этой среде, иначе он не может.

Усевшись рядом, смотрел на меня как-то странно. Кажется, он проверял меня. Любит, поди, ходить на острие. Жизнь для него скучна и однообразна. Разве нет? Когда ты пресыщен избытком всего, что только заблагорассудится, разве не скучно? Что его еще может удивить?

Красивая женщина? Да у него их пруд пруди. Сегодня захотел белокожую хрупкую платиновую блондинку – нет проблем. Завтра шоколадную знойную брюнетку – да, пожалуйста! А послезавтра – роскошную шатенку с медовой кожей. Все, что пожелает господин...

Может его порадует шикарная машина? Невольный смешок сразу вырвался. У него этих машин сотни. Ни одна, должно быть, не впечатляет. Зато поразить свою заложницу тачкой – это да, приятно. Дарить эмоции это роскошь... Куда большая, чем финансовая. И он, имея тугой кошелек, может их дарить, совсем не парясь.

Дать наложнице порулить внедорожником, покоряя барханы. О, это же приятно. Это новые эмоции, которых ему не хватает в жизни.

Да и рискнуть жизнью, давая в руки невольницы руль, а под ножки педаль газа. Сразу жизнь заиграла новыми красками. Он не просто питался адреналином, он меня проверял, заодно проверял и себя. Насколько он глубокий психолог. Насколько понимает своих «питомцев»...

– А зачем спустили шины? – задала я вопрос, ответ на который уже давно знала.

Но мне нужно изобразить любопытство, чтобы погреть его тщеславие. Ему же хочется научить уму-разуму нерадивую женщину. Он же велик и благодушен...

– Так легче ездить по песку. С надутыми шинами можно легко застрять. А на спущенных езда лучше.

– Ясно, – смотрела горящими глазами.

А он мог бы быть милым... Если бы не держал меня на привязи.

Ведь и правда изображает какую-то заботу.

– Поехали. Справишься?

– Конечно, – переключила коробку на Drive и бросила на него пыливый взгляд.

Отпустив тормоз, поехала. Сначала покатила медленно, потом начала разгоняться. Кровь почему-то стала ускоряться вместе с машиной. Меня накрыл адреналиновый экстаз. Гоняя по барханам, чувствовала такой драйф, какой ранее не испытывала. Даже моя неволя почему-то забылась. Я ощущала себя вольной птицей.

– Сдай налево триста метров, – крикнул шейх, постоянно смеясь над моим восторгом.

Повернув налево, проехала сказанное им расстояние и остановилась. Там стояла машина, возле которой был мужчина с птицей в руках. То был орел или какой-то другой величественный хищник. Из машины вышел шейх и направился к мужчине с птицей. Пернатая сразу перепрыгнула на руку Рашида. Я же боялась выйти из машины, эта крылатая махина меня пугала.

– Иди сюда, – зачем-то меня позвал.

Неуверенно ступив из внедорожника, подошла ближе. Поджилки тряслись. Хоть на клюве и был «намордник», но размах крыльев в пару метров и огромные когтистые лапы заставляли пропускать удары сердца. Орлы могут быть опасными. Очень опасными.

– Его зовут Укаб. Ему пять лет. Он мой любимчик. Хотел его тебе показать.

– Да, красивый, – все еще боялась даже пошевелиться.

– Возьми его, – схватил меня за руку, а птица сразу же скакнула мне на предплечье.

Захотелось заорать, что есть сил, и удрать, спрятаться, но я стойко молчала.

– У него есть невеста? – равнодушно спросила, стараясь не думать о том, что гигантская махина оттягивает своим весом мне руку.

– Еще нет. Но мы в поиске. Орлы очень верные птицы. Они заводят пару на всю жизнь.

– Да... Людям бы поучиться у них, – невинно бросила.

– Я человек верный! – гордо произнес.

Но вот тут я уже была не в силах сдержать смешок, от чего птица щипнула меня своей когтистой лапой. Не знаю, специально ли научена наказывать тех, кто посмел смеяться в присутствии шейха, или просто испугалась моего нелепого смеха.

– Что не так? – Рашид забрал пернатого друга к себе на руки, а потом передал своему человеку.

– Верный? Кому? Народу? Родителям? Это, наверное, да. Но не любимой. Сколько у тебя этих любимых? Сто? Двести? Тысяча?

– Любимой женщины у меня, к сожалению, пока нет. Была бы, я бы был ей верен.

– А кто же все эти женщины, кого ты водишь за нос? – произнесла и захотела оторвать себе язык.

Таким способом я его не задобрю...

Глава 9

– А кого это я вожу за нос? – посмотрел на меня недоуменно.

Учитывая, как мы общались буквально пару часов назад, насколько он был со мной груб, а сейчас позволяет такие высказывания, мне, наверное, стоит попридержать язык.

– Извини, это не моё дело, точнее я не в праве судить. В России есть пословица, она хорошо характеризует то, что я только что ляпнула. Звучит она так: со своим уставом не лезь в чужой монастырь. То, что для тебя норма, мне претит. Также, как и то, что норма для меня, абсолютно неприемлемо для тебя. В наших жилах играет кровь предков, которые нас родили, воспитали, – тонко намекнула на то, что мне сказала Светлана, или как там её по-местному, Амина.

– Я знаю о чём ты думаешь! Ты по поводу той женщины? Той, что говорила тебе глупости? Я человек, который проверяет разные версии и теории, – улыбнулся, как будто бы подыгрывая мне. – Я взял у неё несколько волос после того, как ты ушла. Сделаю тест ДНК, докажу, что она свихнулась. А потом ты извинишься и принесёшь свою часть. Договорились? – посмотрел на меня с вызовом.

Взяв за руку, повел к внедорожнику и усадил на соседнее с водителем кресло.

– Думаю, достаточно ты управляла машиной, я теперь покажу тебе, как это нужно делать, – захлопнул дверь и, обойдя авто, уселся за руль. – Ты ещё поймёшь, как тебе повезло. Быть может я был поначалу очень груб, слишком принципиален, это нужно было. Нужно было донести до твоей головушки, – коснулся указательным пальцем моего лба. – Теперь ты готова, я это вижу. Ты уже почти приняла свою часть наложницы. Это прекрасно! Теперь ты будешь счастлива, потому что это не участь. Это дар! – завел машину и покатил.

Он явно не лукавил и не хвалился, когда говорил, что водит машину по барханам очень неплохо. Это действительно было так. Рашид управлял внедорожником настолько профессионально, что я уже не успевала справляться с эмоциями. Дух захватывало! Но в тоже время, даже с учетом того, что я не была пристегнута, меня не мотыляло по машине.

Ветер хлестал в лицо, палящее солнце ослепило. Оно другое. Совершенно другое в пустыне. Быть может дело в сухом воздухе и высоком атмосферном давлении. Атмосфера не загрязнена водяным паром, на пути солнечных лучей нет никаких препятствий, поэтому они жгут и пекут. Толща песка имела четкие границы, словно пустыня занесена им искусственно. Она как большая песочница, сотворенная по воле цивилизации с высокими технологиями.

– Люблю пустыню! – как будто прочитав мои мысли, заговорил, когда мы выехали на асфальт.

Водитель сразу же подскочил и начал надувать колеса, а шейх Мактум, помогая мне выйти, пересадил сзади и уселся рядом. Держа мою руку нежно, поглаживая кожу, вдруг поцеловал ладошку.

– А ты любишь пустыню? Она сотворена Великим Аллахом.

– То что, она выглядит как будто искусственная, кем-то сделанная, соглашусь! – улыбнулась. – Но не очень-то я верю в божественное сотворение, а вот в высокие технологии, которые возможно были многие века назад, очень даже верю.

Шейх посмотрел на меня, нахмурившись.

– Ты еще поймешь. Поймешь, что Бог един и он создал все. Ты придешь к этому!

Отвернувшись, закатила глаза. Да... Это не лечится. Веришь, ну и верь дальше, мне-то что? Но свой острый язычок я придержала, не хотелось нарываться на конфликт, да и желания доказывать свою правоту тоже не было. Быть может он прав... Я приняла... Приняла тот факт, что стала рабыней. Его сексуальной игрушкой, которую он по своему настроению холит

и лелеет, а может и по горбу дать пару ударов хлыстом. На все воля Аллаха. Или его воля. Тут уж на кого он будет ссылаться.

Только мне кажется, что Бог, если он и есть, не будет сторонником насилия в отношении невинных. В мире столько зла, что наличие того, кто сотворил мир, как-то не укладывается в мои представления о добре и зле.

С другой стороны, в детстве я как-то собрала несколько муравьев и создала свой формикарий. Или проще – муравьиную ферму. Взяла стеклянную банку, накидала пенопласта, песка. Подкармливала их едой, сахаром. Они плодились и развивались. Я как бы создала их маленький мирок. И что? Мне это мешало как-то «случайно» проводить разные опыты, в которых гибли безвинные муравьи? Нет...

Поэтому Бог вполне может ставить опыты, если конечно он есть... Мы для него те же муравьи... Потому что фраза, что он справедлив, немного вырвана из контекста. Справедлив он может быть именно по отношению к себе. Или я что-то не так понимаю...

Обсуждать с восточным мужчиной религию – самоубийство. Он религиозен до мозга костей. Так что мне лучше прикусить язык и даже не вякать на эту тему.

Положив руку мне на плечо, подтянул меня к себе. На секунду мне показалось, что свидетелем этого станет водитель, который с легкостью может наблюдать за нами через зеркало заднего вида. Но шейх уже успел нажать какую-то кнопку, перекрыв специальной ширмой ему обзор. А темные стекла закрывали нас от невольных свидетелей, которые случайно могли увидеть наш тесный контакт.

– Не бойся меня. Я тебя не обижу, – был несравненно мил.

Огонь внутри почему-то вспыхнул. Я сама не понимала, что со мной приходит. Быть может он умелый гипнотизер, но я расслабилась... Сдалась... Рашид нежно поцеловал шею, прокатившись теплым и влажным языком к уху. Я от возбуждения покрылась «мурашками». Но не хотела, чтобы он останавливался. Я мечтала о продолжении...

Захватив затылок своей пятерней, прижался губами к моему рту. Его поцелуй был властный, полностью им контролируемый. Он отличался от поцелуев других мужчин, которым довелось меня целовать. Он повелитель... Повелитель в отведенной ему территории... Это чувствовалось даже по... поцелую.

По ранним его прикосновениям я этого не понимала. Поняла именно сейчас. Возможно я действительно была закрыта к нему. Не хотела слышать, понимать, принимать.

Рашид сказал, что я смирилась... Но разве я смирилась? Разве хочу быть наложницей? Нет! Мне абсолютно претит сама мысль быть невольницей. Только отчего-то именно сейчас все эти ужасы уже не казались такими страшными.

Возможно все дело в его отношении. Говорят же... Правительству нужно сначала отнять имеющиеся блага, а потом после возмущения толпы вернуть часть из того, что было ранее... Вот тогда народ будет счастлив, хотя получит спустя время куда меньше. Это психология... Это закон «Наполеона».

Как-то я читала про эту тактику. Уже очень давно. Чисто в качестве повышения общего уровня грамотности... Вот она загадка и «магия» местных правил по подавлению воли...

Сначала тебя давят, уничтожают, гнобят, лишают воли, ставят на тебе метки... А потом... Потом с тобой мило общаются, дают покатайся на машине, показывают красоты, нежно целуют... И ты думаешь... Не так ведь это и страшно быть невольницей... Может не стоит так противиться.

Резко отпрянув от шейха, вжалась в кресло. Он манипулятор! Искусный стратег! Но я не поддамся. Хуже всего то, что я и сама не верила в то, что уже могу выстоять от его очарования.

Забота мужчины о женщине это самое большое вложение, которое он может сделать для их отношений. Будет заботливым, она станет зеркалить. Но сначала ее нужно припугнуть. Эх, Рашид... А я уж поверила, что он мог влюбиться. С чего поверила, вообще непонятно.

Он ясно сказал, что не любит ни одну из своих женщин. А я для него, наверное, даже не женщина. Просто секс-кукла...

– Что такое? – смотрел удивленно.

Наверное, обычно дамочки, что попадались в его капкан, никогда не противились после всей схемы манипулирования.

– Я не могу, – скромно ответила. – Всегда мечтала, что буду заниматься этим... по любви, – отвела глаза.

– Раньше тебя это не останавливало. Ты так откровенно продемонстрировала тот красивый костюм, что я до сих пор вспоминаю, как ты в нем замечательно выглядела...

Ага... Хвалит... Комплименты расточает.

Хитрый лис!

– Я одна из многих женщин... Мне так хочется, чтобы я была единственной.

Вот тут шейх не смог сдержать смех.

– София, ты же понимаешь, у меня есть официальные жены. Я в любом случае не могу быть тебе верным.

Меня удивило то, что мои слова он воспринял за чистую монету. Быть может в этом направлении и стоит играть...

– Но скажу тебе одно. Я никогда не брал с собой в Абу-Даби наложницу. Так что ты можешь мне поверить, что ты для меня особенная.

О... Сильная артиллерия!

– Правда? – захлопала ресницами.

– Да, – потянул меня к себе, вновь страстно целуя.

Тут уже я не в силах была сдержаться. Вихрь внутри живота желал скорее добиться его вторжения...

Глава 10

Шейх Мактун

Не знаю, что со мной. В присутствии этой девчонки я какой-то другой. Она на меня странно влияет. Хочется заботиться о ней, не переходить границы. Я всегда заботился о своих женщинах, но к ней у меня особое отношение. Быть может всё из-за её глаз, настолько очаровательных и многогранных.

Мне почему-то кажется, у нас очень много общего. Я ведь тоже с гетерохромией...

Нравится то, как она податливо себя ведет... Но таково ли ее реальное ко мне отношение? Может это лишь желание мной манипулировать. Способ навязать свое мнение. И ведь удаётся! Она сеет во мне непотребное! Разве мог я подумая, что заподозрю отца во лжи? Никогда такого не было! Никогда!

Софья заставила меня задуматься об этом, ведь в ее словах есть не только манипулирование фактами, но и логика. Нельзя исключать, что отец мог так поступить. Мы не знаем, как сами можем поступить, не говоря уже о том, чтобы быть уверенными в других людях.

Мой отец Великий человек, он поднял регион на новый уровень. Не знаю, смог бы я, с той стартовой установкой, что у него была, добиться столь внушительных результатов... И не мне его судить. Даже если Софья права, даже если я сын Амины... Хотя от одной мысли защемило сердце.

Я ничего не буду менять... Мне нужна эта информация лишь для своего успокоения. Но буду ли я спокоен? Буду ли спокоен, когда вдруг выяснится, что она права? Тогда все мои принципы, всё моё представление, возможно, будет исковеркано. Я молю Всевышнего Аллаха, чтобы это всё было нелепой фантазией женщины, которая какие годы живёт в гареме. Которая от непривычной для нее обстановки просто сошла с ума и поэтому назвалась моей настоящей матерью в разговоре с моей наложницей...

Глядя на Софью, такую податливую в моих объятьях, но в тоже время столь своенравную, изнывал. Маленькая чертовка! Умеет соблазнить мужчину и держать его на коротком поводке, даже такого, у которого нет недостатка в выборе женщин.

Чем она меня так цепляет? Тем, что красива? Я встречал и прекраснее... Взять хотя бы мою вторую жену, что родила мне двух сыновей. Прекрасная женщина, знающая свое истинное место в мире и возле мужа.

Может дело в своенравном характере? Но мне попадались и более своенравные... Те, кто зубами были готовы вырвать свободу... Те, кого нужно было очень долго обуздать. Как свобододолюбивых кобылиц, что не поддавались воле хозяина, даже со сбруями с шипами.

В чем же дело?

Может все дело в нашей схожести... В разного цвета глазах.

Ах, Софья, запала ты мне в сердце. Сам не пойму почему...

Потянув свою самую сладкую наложницу к себе, сунул руку под юбку ее одеяния. Нашупав тонкую лодыжку, облизнулся. Ее стройные ножки и женственная точенная фигурка с тонкой талией и сексапильными округлостями сводили с ума. В ее присутствии мне постоянно нужно заставлять себя мыслить рационально. А ведь почему-то сильно дурею. Хочу показать ей весь мир, одарить подарками и сделать все, что пожелает.

Но она та, для кого главный подарок, это свобода. Свобода это единственное, что я не могу ей дать. Да ей она и не нужна. Зачем? Со мной же гораздо лучше. Это я и должен ей

показать. Не будет сопротивляться, примет подаренный ей Аллахом дар, поймет, как повезло. И эта дурь выветрится из ее головы, она наконец поймет свое истинное предназначение.

Она откинулась на кресло, с благодарностью принимая ласки. Подняв щекотливо руку выше, шупал ее упругие бедра, а потом потянулся к сокровенному местечку. Закусив губу, провел пальцем по рельефу ее промежности. Пах сразу же вздыбился, как готовый бежать галопом конь.

Но не буду же я пробовать свою наложницу здесь... В машине... Или все же буду? Никогда не делал ЭТО в таких неприспособленных для того условиях... Может все же стоит попробовать.

Нашупав крошечный бугорок, скрытый за тугим бельем, начал гладить чуть сильнее. Стон вырвался из ее сладких губ. Наблюдая за ней, горел огнем. Во мне бушевал ураган. Одной рукой хотелось держать за голову, другой – крепко впиться в ее прелести между ног. Умело ласкать пальцами то, чем одарила ее природа.

Чтобы познала не только мою щедрость и доброту, но и непревзойденные мужские качества. Стон снова вырвался из ее груди, когда мои ласки стали более уверенными. Двигая рукой в полной гармонии с ее физиологией, смотрел на лицо млеющей красавицы, фиксируя каждую эмоцию.

Ухватив правой рукой ее волосы, накрутил их на ладонь и, не спуская хватку левой, страстно поцеловал. Она была в полной моей власти и ее счастьем не было предела. Я видел это в её глазах. Они лучились блаженством и искрометным восторгом. Как вдруг она разразилась волнами экстаза.

Стон приятно ласкал мой слух, но я не останавливался, я продолжал ее покорение. Блаженные конвульсии Софии длился около полутора минут, а потом она словно испустила последний дух Нирваны и попыталась вырваться. Я ее уже не держал. Хватит. Пока хватит.

Все еще лежа в полубоморочном состоянии, вдруг посмотрела на меня в беззвучной благодарности. Не в первый раз я ублажаю женщину руками. Мне всегда нравилось доставлять удовольствие. Но сегодня я и сам испытал какой-то неведомый ранее первобытный восторг. Она моя. Моя собственность. И этого не изменить.

Девчонка уже и сама это приняла. Только из принципа, наверное, иногда брыкается. Она уже вкусила, насколько это классно быть собственностью шейха. Тебе больше ни о чем не нужно думать, не надо беспокоиться, как заработать деньги, обо всем позаботится твой хозяин.

Я дал команду водителю выдвигаться. Через два часа мне нужно быть на заседании Правительства. Сам поздней ночи буду осуждать важные для эмиратов вопросы, а ее пусть охрана закинет в мой отель.

Подумав, как им это удастся незаметно, представил, что вся моя многочисленная семья, которая иногда останавливается в гостинице, начнет задавать вопросы. С женщинами вопрос короткий. А вот мужчины, особенно те, кого не радует перспектива всю жизнь быть на вторых, третьих или даже четвертых ролях, могут закручивать гайки.

С другой стороны, длинный язык некоторых родственников меня совершенно не останавливал. В мешок, гирю на ноги и в Персидский залив. На крайний случай пуля в лоб и вопрос решен.

А уж если заткнуть рот нужно не родственнику, тут еще проще. Для меня честь семьи, моего эмирата, страны превыше всего. Для этого я готов на многое!

Взять хотя бы того парня, который организовал побег Софии. Если бы им действительно удалось сбежать, был бы международный скандал. А теперь именно сегодня его ждет расплата. Сначала его лишат мужского достоинства, а потом и вовсе вздернут. На международной арене Эмираты должны блистать! Развитие туризма стоит на первом месте. И из-за какого-то выроodka поток туристов может иссякнуть. Этому не бывать. Для это не пожалею ничего. Ни денег, ни жестокости.

Хорошо, что в каждом посольстве у меня есть свои люди. Они всегда решают вопрос в мою пользу, если это потребуется. Побег Софьи обошелся мне в полтора миллиона долларов. Не так уж и много, но пока ни в одну девушка я не вкладывал столько средств. Знала бы она, на что я пошел ради нее, быть может была более благосклонна...

* * *

– Тебе удалось решить проблему? – президент страны посмотрел исподлобья.

– Да, решил, – ответил равнодушно.

– Ты стал премьером. Сам понимаешь, скандалы на таком высоком уровне не нужны. Придержи своего дружка в штанах! Истории с наложницами портят репутацию страны! – великовозрастный старец терял терпение.

Не мне с ним спорить и объяснять, что действительно портит репутацию страны. Его «истории» с убийствами неудобных легко всплывали в мировых СМИ... Когда я стану президентом, такого точно не повторится. Я буду более осторожен...

Глава 11

Выйдя из его кабинета, хотел скорее оказаться в номере моего отеля, где меня ждала Софья. Ее теплые объятия и обещания удовольствия грели душу. Она моя... Моя собственность и, кажется, смирилась с этим. Только разговор с президентом немного разозлил. Кем он себя возомнил? Тем, кто не совершает ошибок?

Смешно!

Из-за него раздулся международный скандал в отношении более 20 пропавших, среди которых трое близкие родственники. Несколько женщин попросили политического убежища. А двоих, кто сбежал, грохнули уже в границах других стран.

И это он мне говорит о том, чтобы я был аккуратен со своими наложницами? Не ему меня учить! Отец давно говорил, что столицу нужно перенести из Абу-Даби в Дубай. Быть может сейчас самое время... Нужно поднять вопрос на завтрашнем заседании комитета по международным отношениям.

Хотя может стоило сказать об этом сегодня? На заседании Правительства... Струхнул? Может... Нет у меня такой поддержки в остальных эмиратах, как у него. Вероятно, пока еще не время... Не время двигать его с места.

Усевшись в машину, сказал водителю ехать в отель. Там меня ждала Софья, сочная и аппетитная. Наконец мы с ней сможем уединиться и полностью насладиться друг другом. Телефон в кармане завибрировал. Достав, нахмурился.

Сегодня по приезду в Абу-Даби я отправил своего человека в лабораторию ДНК. И сейчас, по всей видимости, пришел результат...

Нажав на кнопку «Открыть сообщение», стал внимательно вчитываться в письмо.

«Предоставлены два образца ДНК в виде волос с луковицами для сравнения родства обладателей. Предварительный тест показал результат: 99 % вероятности родства»...

Прочитав короткое сообщение снова, сидел в машине, задумавшись. Огни города освещали вечерний Абу-Даби, палящая жара заметно спала. Я же все не мог осознать прочитанное. Что это значит? Что я... сын Амины?

Растирая виски, вспомнил ту сцену после разговора с ней.

* * *

– Дай свой волос! – смотрел на нее, чувствуя невятное.

То ли злость, то ли... радость. Если она моя мать, то у меня наконец появился шанс с ней поговорить. Обнять свою родную мать... Ведь этого я был лишен с детства. Мне говорили, что моя мама умерла в родах. Ее Королевское высочество, первая жена шейха Дубая Халифы аль-Мактуна. Я был знаком с матерью только по фото. Я не знал материнской любви и теплого прикосновения. Этого я был лишен из-за злого рока, из-за бессердечной судьбы, которая не позволила ей легко родить.

Чувствуя горечь, не знал, что и делать. Сколько раз в детстве я рыдал о матушке. А сейчас если Амина все же она, то не слишком ли я груб? Мне бы упасть ей в ноги и молить о прощении. Прощении меня, отца и всего сурового Востока... Только в этот миг я понял, что у нас все же довольно жестокое отношение к женщинам. К матерям... К женам... К наложницам...

Но беспокоили меня сейчас не жены и наложницы. Меня беспокоила всего одна женщина. Женщина, которая, возможно, является моей матерью... Но она не только мать... Она была

наложницей для моего отца. Все мы играем разные роли. Я шейх для населения своего эмирата. Я муж и отец. Я властелин. Для почившего отца – сын.

Амина подошла ко мне впритык, нас разделяли всего несколько сантиметров. Она посмотрела пристально, да так, что у меня поджилки затряслись. И только сейчас я увидел цвет и глубину ее голубых глаз. Раньше мне казалось, что она кареглазая. От ее нетипичного для арабской женщины облика поежился.

Как вдруг она дернула прядь своих волос и вручила ее мне.

– Проверь, сынок! – произнесла с усмешкой, развернулась и вышла из комнаты.

* * *

Мысли разбегались. Сколько лет я горевал по женщине, которая и не была моей матерью. Сколько лет смотрел на ее фото с обожанием и благоговением. Но она для меня никто. Она даже не растила меня.

В голове произошел диссонанс. Моя официальная мать и та, кого гнобили. Две женщины приблизительно одного возраста, а насколько разная судьба... Одна умерла в родах. По всей видимости, с ней погиб и младенец. А вторая родила, но из-за того, что она для страны никто, ей заткнули рот.

Растирая виски, впервые в жизни захотел плакать от несправедливости... к женщинам. Как? Почему в моей голове вообще возникли такие мысли? Я ведь шейх, глава эмирата Дубай... Для меня априори не должно быть это странным. Так я воспитан, так велели мои предки и Великий Аллах.

Что со мной сделала Софья, раз отношение к женщинам в моей стране я теперь считаю несправедливым. Или дело не в ней... А во мне... В моих реальных корнях.

Набрав своему помощнику, дал задание.

– Выясни мне все об Амине. Всю поднаготную. Откуда она, кем была до, как жила. Все! И привези ее в Абу-Даби в моей отель. Мне нужно с ней поговорить. Я здесь буду еще три дня.

– Да, господин! – молнией ответил. – А как везти? Машиной или вертолетом?

– Вертолетом, так быстрее.

– Будет выполнено, господин!

Положив трубку, улыбнулся. Не учитывая того факта, что все в моей жизни фальшь, я был рад... Матушка, родная мамулечка жива! Я смогу поцеловать ей руки и упасть в ноги... Скажу ей спасибо за то, что подарила жизнь...

Быть может есть еще человек, кому следует сказать спасибо... Это Софья. Она ведь мне рассказала. Бросила ту колкую фразу, после которой я не смог закрыть глаза на ее слова. Как я могу ее отблагодарить? Чем могу порадовать?

Недавно мы спорили и я был уверен, что докажу ей, что она не права. Но она оказалась права... А ведь очень хотелось ткнуть ее носом, доказать, что она глупа, наивна и совсем не ведает, что говорит. Как теперь «тыкать»?!

Нет, я конечно не думал, что Софья умнее меня или использует логику как-то лучше. Ей просто повезло. Ей сказали об этом. А мне пришлось узнавать самостоятельно. Впрочем... Именно она натолкнула меня на мысль. Ее своенравный характер и длинный язык сыграли все же свою положительную роль. Я прозрел. Прозрев в том, что моя матушка не та, кем я считал. Зато та, в ком не видел равного мне человека.

Зайдя в отель, отпустил свою охрану. Поднимаясь на лифте, был в каком-то слишком приподнятом настроении, как вдруг у входа в мой президентский номер я увидел... свою жену № 1.

– Айла, ты что здесь делаешь? – спросил, нахмурившись.

– Извини, Рашид, – опустила она глаза. – Мне сказали, что ты хочешь опозорить нашу семью, – шепотом произнесла.

– Что? – ошарашенно на нее смотрел. – Женщина, как ты посмела? – во мне проснулся дьявол.

Я был зол. Чертовски зол на нее. Не знает своего места! А ведь из всех жен самая прилежная всегда была! Что с ней случилось?

– Мне позвонил сам Мустафа Омар! – еще тише заговорила.

– Президент? – нахмурил брови.

– Да.

– Как он посмел звонить моей жене, минуя меня.

– Я приехала предостеречь тебя, – склонила голову.

– От чего предостеречь? – немного успокоился.

Президент стоит козни. А может и кто-то другой... Хочет выдать его тем, кто подставляет меня перед семьей и округой.

– За тобой слежка. Каждый твой шаг фиксируют, чтобы передать спецслужбам Великобритании. Я понимаю, что у тебя есть свои... слабости, но, пожалуйста, будь осторожен, – взяла мою руку и поцеловала.

– Я осторожен. А ты поезжай домой, – произнес сурово.

– Как же? Уже же ночь на дворе. Может я в отеле переночую? С тобой, – захлопала своими густыми ресницами.

– Я сказал, поезжай домой.

Еще не хватало, чтобы моя жена и наложница были в одном здании... Это кто-то подстроил! Больше всего у меня уважения именно к Айле из всех моих жен. Именно ее не хотел бы обижать в первую очередь. Все же не каждой приятно, что у ее мужа есть наложницы. Одно дело законные жены, совсем другое – фактически... любовницы.

Я же не бесчувственный мужлан, чтобы позволять дорогой жене страдать. Ей знать о моих «слабостях» нельзя...

Скупая слеза скатилась по ее щеке... Никогда не видел, чтобы Айла плакала... В груди защемило, но я должен быть суров. Должен.

– Поезжай домой, я немного занят, – погладил щеку.

Она закивала и пошла к лифту вместе со своей охраной и свитой. Глядя ей вслед, чувствовал себя как-то странно. У меня никогда не было угрызений совести, что я излишне жесток. Никогда не было сочувствия, потому что знал, что так и должно быть. Но сейчас меня вдруг захватили эти неведомые ранее чувства.

Глава 12

Когда Айла уехала на лифте вниз, я подошел к своему номеру, куда так рвалась моя жена. Там меня ждала Софья. Наложница. Своенравная русская девчонка. Если к жене у меня было скорее сестринское отношение, то к Софии – страсть. Айла, как любая мудрая восточная женщина, знает свое место и всегда помогает мужу. Ее поддержка для меня была очень важна многие годы, что мы в браке. Но страсти у меня к ней нет, как не было ее и ранее.

Но для хорошего брака страсть и не нужна. Достаточно уважения и почтения жены в отношении мужа. Остальное пристроиться. Страсть можно найти с другими женами или с наложницами. Жена самый важный член семьи после родителей и всех мужчин из рода.

Подумав об этом, начал осознавать диссонанс... При всей моей к ней теплоте, я не считаю ее ни то, чтобы равной себе, я не считаю ее равной даже прислуге-мужчине. Почему так? Это нормально? Или во мне говорят гены от русской матери.

Зайдя в номер, осмотрелся. Тишина и умиротворение говорили лишь об одном – Софья спит. Ее сладкий сон это то, что мне так нравится наблюдать...

Зайдя в спальню, увидел ее укутанную в одеяло и с милых выражением лица. Видно, что-то приятное снится... Возможно я. Погладив ее волосы, сразу почувствовал прилив мужской энергии. Скинув с нее одеяло, с удовольствием отметил... Она обнажена... Видно, хочет продолжения.

Как вдруг Софья резко открыла глаза и посмотрела так, словно и не спала.

– Приехал? – задала риторический вопрос, ухватив меня за ворот кандуры².

Она так же резко приподнялась с кровати, демонстрируя свои оголенные прелести, от чего я даже потерял дар речи. Прижавшись ко мне со страстным поцелуем, заволочла своей доступностью и красотой. Мыслей не было. Только одна... Как скорее ей овладеть.

И тут некстати зазвонил телефон. Дрожащей рукой, что так хотела потрогать ее прелести, потянулся к мобильнику. Звонил мой помощник.

– Алло, – резко ответил с намерением отсчитать его.

– Господин, она в Абу-Даби в вашем отеле.

– Я знаю, – сразу подумал о жене. – Я ее отправил домой.

– Как? Она со мной. Амина. Вы же сказали, чтобы я ее привез.

– Ааа, – вспомнил.

Отойдя от кровати, задумался. Амина... Моя реальная матушка. Мне нужно с ней поговорить.

– Засели ее в президентский номер северного крыла. Я подойду сейчас туда.

– Да, господин.

Положив трубку, смотрел на эротично лежащую в кровати Софию. Божественная женщина. Сводит меня с ума всем своим естеством. Я бы, наверное, мог полюбить ее... Если страсть и плотское желание это любовь. Усмехнувшись, решил освежиться и пойти в ванную умыться лицом. Перед встречей с мамой нужно быть в более приличном виде, без эротичного румянца на щеках.

– Что? Еще одну наложницу привез?

– Ты о чем? – удивился.

– Ты говорил по телефону, я немного знаю арабский. Я поняла, что приехала какая-то женщина и ты попросил ее заселить в президентский номер. А я-то подумала, что особенная, – обижено насупила губы и отвернулась.

– Ты особенная. Действительно приехала женщина, но она не моя наложница.

² Кандура – арабское мужское традиционное платье.

– Ясно, – все еще выглядела насупившейся.

Отчего мне очень хотелось рассмеяться. Она очаровательна.

– Ревнуешь? – не знал, играет она или правда приревновала.

Если второе, то мне это... льстит. Хотя собственнические чувства сразу искоренял в своих женщинах. Это я их господин, который снизошел до них. А не они получили меня в собственность. Но с чертовкой Софьей все иначе. Очень хотелось, просто жгуче хотелось, чтобы она ревновала. Мечтала, чтобы я овладевал только ей и ни одна плутовка не могла урвать моего внимания.

– Еще чего! – игриво ответила, заставляя моего малого жеребца готовиться к рывку.

А ведь нужно успокоиться... Встреча с мамой!

Выдохнув, пошел в ванную.

– Рашид, – протянула она. – Не знаю, поймешь ли ты меня... Мне будет очень больно, если ты будешь спать с другой женщиной, – вдруг обняла меня со спины, а я от прильнувших чувств нежности чуть не задохнулся.

Что со мной? Почему я с ней другой? Какой-то романтичный и чувствительный, что ли...

Развернувшись, обнял за ее такие хрупкие и мягкие плечи.

– Не волнуйся. Я сейчас встречусь со своей мамой.

– Твоя мама приехала сюда? – удивленно вскинула бровью.

– Да. Ты была права. Амина моя мама, – улыбнулся ей, ища в глазах радость за меня.

И я ее увидел.

– Правда? О, Господи! С ума сойти! – прижала она руки ко рту.

– Правда! Спасибо тебе за то, что ты меня разбудила. За это готов подарить тебе любой подарок.

– Даже свободу? – приоткрыла она шире свои очаровательные глаза.

– Свободу нет. Проси что-то другое.

– Я хочу, чтобы ты освободил Анвара. Если он еще жив, отпусти его. Дай ему уехать с сестрой. Прошу. Они будут молчать! Они не расскажут никому! Я прошу тебя, – вдруг опустилась на колени.

Эта странная русская девочка поразила меня до глубины души. Она другая! Она совсем другая! В минуты, когда могла попросить все, что угодно, она попросила отпустить их. Чужих для нее людей. Она настолько чиста и добра, что я почувствовал себя сушим дьяволом...

Софья думает не о себе, она думает о других...

Отвернувшись, пытался отдышаться. О, Великий Аллах, да что происходит? Что она со мной делает? Мои принципы, мое мировоззрение рушится. Я считаю, что все, что делал до, неправильно. Почему так? Из-за красоты девчонки? Из-за чего?

Проведя рукой по волосам, молчал. Ответить не знал что.

Анвар, если ему еще не отрезали яйца, получил уже добрую дюжину ударов плетью. Парень хотел спасти Софью из моих цепких лап. Сейчас это именно так выглядело для меня. А ведь всего несколько часов назад я думал иначе. Я считал его врагом, который пытался испортить мне жизнь. Под другим ракурсом все выглядело иначе. Одна медаль, но совершенно разные стороны...

Достав из кармана телефон, позвонил своему помощнику.

– Звони ребятам, пусть отпускают Анвара и его сестру.

– Господин, вы шутите? – вдруг вырвалось непроизвольно у него. – Извините, – сразу же исправил свой просчет.

Я был снисходителен за его нелепый выкрик.

– Отпусти его и сестру. Отвези в аэропорт и купи билеты.

– Будет сделано, господин, – произнес он не своим голосом.

Положив трубку, поднял Софью за руки.

– Видишь. Твое желание исполнено.

Она прищурила глаза, явно не веря в происходящее. И я ее вполне могу понять. Снова достав из кармана телефон, позвонил помощнику.

– Пришлешь мне фотографии, как они садятся на свой рейс. И билеты купи российской авиакомпании.

– Будет сделано, господин.

Положив трубку, улыбнулся Софье.

– Видишь, у меня даже будут доказательства, что я сдержал слово.

– Я знаю, что территория самолета это уже граница другого государства, так же, как и посольство, – грустно произнесла. – А у тебя руки длинные. Уж извини, если обидела.

– Как мне доказать, чтобы ты поверила.

– Никак. Только если...

– Только если что?

– Если ты меняпустишь и я встречусь с ними уже на территории своей Родины, – улыбнулась, ясно говоря не серьезно.

– Смешно. Софья, мне сейчас нужно отойти ненадолго. Мне предстоит разговор с матерью. А пока ты побудь в номере. Позже обсудим, – поцеловал ее в щеку.

Глава 13

От слов Софьи мне стало как-то... обидно. Если это чувство так можно назвать. «Обидно» звучит как-то унизительно, но в груди защемило от ее слов. Она не верит мне. И быть может всему виной не ее вздорный характер, а я сам... Сам! Именно я показал себя таким, кому верить нельзя.

Неприятное чувство, честно говоря. Но хуже всего не это... Она ведь права, раз думает обо мне так. Это для нее я хотел сделать широкий жест, мол, отпустил бедолаг. Отпускать я их не собирался. Я же не совсем сбрендил. Какой мне смысл отпускать тех, кто опозорит Эмираты перед всем миром, если им развязать язык. Нет... Нужно быть совершенно тупым, чтобы это сделать.

Но и убивать их я передумал. Могут ведь работать где-то, приносить пользу стране, могут доживать свой век.

Но Софья меня сразу раскусила. Она поняла, что я лгу. А мне это неприятно. Неприятно, что столь желанная мной женщина, так пакостно обо мне думает.

Выйдя из номера, шел в другие апартаменты. Туда уже должны были привести Амину. Не знаю, смогу ли ей сходу сказать, что я ее сын. Сложно столько лет видеть эту женщину в своих владениях и помнить наставления отца: не трогай ее, пусть доживает отпущенное ей. А потом вдруг узнать, что она не просто одна из его наложниц, она моя мать... И ведь ни разу у нас с ней не получилось поговорить. Ни разу. Я сам держался от нее подальше.

Подойдя к двери другого президентского люкса, дернул за ручку. В холле на диване сидела Амина и по периметру стояли мои люди. Они сразу же поклонились и вышли.

– Господин, мы за дверью, – произнес Абдул.

Я ему кивнул и перевел взгляд на Амину. Вся жизнь промчалась перед глазами. Детство, отрочество, юность, молодость... Мне 30 лет. А я только сейчас увидел свою мать глазами сына, а не глазами шейха, которому отец велел не выгонять ее.

– Ты уже выяснил правду? – спокойно она произнесла.

Я же бросился к ее ногам и положил голову к ней на колени. Слова больше не требовались. Достаточно ее материнской ласки и моего сыновнего почтения. Матушка гладила меня по голове.

Несколько минут я так и просидел на полу, не смея поднять на нее глаза. Я рыдал. Рыдал как ребенок, у которого украли детство и родную мать. Я рыдал как тот, кто натворил много зла и вдруг начал раскаиваться. Но что мне делать? Как быть? Я же меж двух огней. Между Востоком и Западом...

– Мама, прости меня. Прости моего отца. Прости мой народ. Это традиции. Он ничего не мог поделать, как и я не могу. Некоторые считают, что шейхи все могут. Да, могут. Но не все! Мы в еще более жестких рамках, чем обычные люди.

– Сынок, я понимаю. Но у меня было украдено самое дорогое. Самое ценное! У меня был украден сын! И время с ним! Я не нянчила тебя, не прижимала к груди, не кормила, не растила, не обучала. У меня все это было украдено! Этого ничем не вернуть. И я не могу простить ни твоего отца, ни его народ. Почему я говорю ни его народ, потому что этот народ не твой. А только наполовину! Ты не можешь отрицать своих корней, которые дала тебе я.

– Мама, с этого же мгновения ты свободна и вольна делать что хочешь. Хочешь вернуться в Россию – вернешься в тот же день. Я одарю тебя деньгами и подарками, чтобы искупить свою вину.

– Ты ни в чем не виноват! Ты был ребенком, которого у меня украли! Не ты должен извиняться, – обняла меня, когда я решился поднять на нее глаза.

Чувствуя теплые материнские объятия, зарыдал как ребенок. Несмышленный малыш, который наконец нашел свою мамочку. Он долгие годы скитался в ее поисках, много пережил, но все-таки нашел ее. Пусть ему уже 30, но это все же случилось.

– Отпусти Софью! – начала и она плакать.

Как она держалась до этого, уму не приложу.

– Мам? Ты думаешь не о себе, а о ней? – спросил дрожащим голосом. – Почему? Ты же хотела ее убить, ты дала ей яд.

– Да, я дала ей яд. Потому что она бы забеременела от тебя и ты бы забрал ее ребенка! Так и было бы! Если в моих силах хотя бы одно моральное насилие над матерью и ребенком избежать, я это сделаю. Отпусти ее!

– Я не могу. Она же расскажет, что здесь происходит.

– Ты шейх, ты властелин в своем эмирате! Ты можешь! Ты можешь многое! А она... Она не расскажет, если ты изменишь традиции! Если ты... Отпустишь всех наложниц, компенсируешь им их страдания деньгами. Проще говоря, откупишься. Твоя совесть будет чиста.

– Мама, я не могу! Ты просишь невозможное. Ты просишь достать луну.

– Я не прошу достать луну. Я прошу тебя стать человеком. И человеком ты станешь только тогда, когда не будешь приносить страдания другим людям.

– Я не буду приносить страдания другим людям только, если умру, – усмехнулся.

– Нет. Если умрешь, ты принесешь страдание мне и своим детям. Тебе нужно лишь в своих владениях освободить наложниц. Поверь, им не так много нужно для откупа. А женщин без принуждения ты найдешь много. Ты очень красивый. В тебе самые лучшие качества обоих народов. Даже если бы ты был бедняком, отбоя у женщин у тебя не было бы. Пожалуйста, распусти гарем. Отпусти своих невольниц! Я знаю, их много сотен. Но ты даже не представляешь, как ты осчастливишь девушек, их семьи и меня...

Я сел рядом с ней на диван. В чем-то она права... Я многое могу. Но стоит ли игра свеч. Зачем отпускать всех женщин из гарема? Можно ведь обойтись малым – просто не брать новых. А те, кто есть, пусть доживают в комфортных условиях. Не буду их отдавать дальше. Пусть живут и радуются жизни. Почему нет?

– Мама, я подумаю. Не могу сейчас ответить, потому что это не так просто. Мне нужно проконсультироваться с юристами, как это лучше сделать, – произнес стандартную ничего не значащую фразу.

– С юристами? – засмеялась она. – Какими? Теми, кто знает международные нормы? Так вот те тебе скажут, что ты нарушаешь права человека на свободу. Не бери на себя грех, отпусти. Пожалуйста, сынок. Впрочем, тебе решать, – закивала она. – Я не вправе тебе указывать. Как я и была бесправным подобием человека, так и осталась. Даже с сыном шейхом, – пожалала плечами. – Для меня сейчас главное одно – чтобы у меня была возможность с тобой общаться, обнимать тебя, целовать. Хоть ты и взрослый мужчина, я вижу в тебе малыша, которому один раз попыталась сказать правду. Но ты был настолько мал, что и не понял меня. Возможно ты и не помнишь этого момента, – снова она заплакала.

– Я помню, – кивал. – Мне все время казалось, что это сон. Точнее мне это часто снилось. А сейчас я понимаю, что снилось оно мне не просто так...

* * *

– Привет, – услышал он женский голос за спиной.

Повернувшись, посмотрел на укутанную в чадру женщину.

– Привет, – ответил ей.

– Ты Рашид? – ее покрасневшие глаза выдавала то, что она недавно плакала.

– Да. А кто ты?

– Я... – не успела она договорить, как послышался голос его отца.

– Рашид! Иди сюда! – подошел к сыну, схватил за руку и повел прочь. – Не приближайся к нему! – бросил колкую фразу ей.

– Папа, а кто это?

– Это... это женищина живет здесь. Она никто...

Глава 14

Она никто... Как папа мог такое сказать? Как она может быть никем? Она же вынашивала меня в утробе девять месяцев, родила в муках. Она моя мама. Как он мог сказать, что моя мама никто? А кто же тогда моя бабушка, которая родила его? Тоже никто? Как он мог со мной так поступить? Он лишил меня матери, самого дорогого человека в жизни каждого.

Сидя рядом с матушкой, чувствовал сильнейший разрыв шаблонов, что были в голове. От такого можно и с ума сойти или откинуться от инфаркта. Сердце тарабанило в груди. Я метался, метался в своих мыслях. Душа болела, изнывала. Мне 30, а чувствую себя маленьким испуганным мальчишкой, загнанным в угол обстоятельствами.

Что мне делать? Я хочу дать матери все, что у нас отняли. Я не хочу ее разочаровывать. И единственное, как я могу хотя бы отчасти компенсировать ее страдания, это закрыть гарем, отпустить невольниц. Но хуже всего то, что отпустить нужно именно Софью. На остальных мне плевать. Мама знает, что я влюблен в нее. Видно, то же самое было и у отца к маме. Он любил ее... а потом... потом отнял ее ребенка.

Неужели я буду таким же жестоким? Впрочем, разве я был мягче? Я же клеймировал Софью и других наложниц. Конечно не собственными руками, а руками моих людей. Но приказ-то отдавал я... Так, должно быть, поступал и отец. Он же научил меня...

– Мама, у тебя есть татуировки? – спросил дрожащим голосом.

Про проколотые части тела и клеймо я даже боялся спрашивать.

Она закрыла глаза, слезы покрыли все ее лицо.

– Есть. Несколько. Есть пирсинг, есть клеймо. Есть шрамы от ударов плетью... Но это было еще до того, как я познакомилась с твоим отцом. Они меня подавили, чтобы перед ним я была безропотной ланью. Твой отец заботился обо мне, он любил меня... Но его мать запретила ему. Она приказала забрать нашего ребенка. Я до сих пор помню наш последний разговор по душам. Тогда-то все и изменилось.

* * *

– Амина, ты не представляешь, как я тебя люблю... Но свой народ и семью я люблю больше, – погладил он лежащую на родильной кушетке роженицу, которая не очень понимала смысла его слов.

Светлана только десять минут назад родила сына, ее накрыла эйфория счастья после того, как боли ослабли и малыш появился на свет. Поцеловав ее в щеку, шейх обошел вокруг кушетку. Младенец прижимал грудь, все время роняя сосок. Молодой отец зыркнул на акушерку, давая невербально ей команду забрать ребенка.

– Дайте мне его, его нужно помыть и проверить, – произнесла она неуверенно.

Руки Светланы ослабли, она рожала 18 часов, это ее очень вымотало. Но энергии в ней было хоть отбавляй. Она мечтала о том, что подарит своему любимому сына. И вот это наконец случилось. Шейх поцеловал женщину в щеку.

– Прости. Я должен, – сказал и вышел из комнаты.

* * *

Слушая рассказ матери о том, как это все произошло, сидел, не мигая. Болела душа. Это жестоко. Это бесчувственно. Но как я воспринял бы ситуацию, если бы она не касалась меня лично. Равнодушно. Я бы не посчитал ее жестокой. Мне было бы плевать. Таким вырастил

меня отец. Ему самому приходилось быть жестоким, порой несправедливым. Но разве у него был выбор? Или все же выбор есть всегда? Только он может быть легким – плыть по течению. А может быть сложным – идти против.

Я должен идти против системы? Против укоренившихся за долгие века традиций? Или мне не нужно менять имеющуюся матрицу, достаточно внести хотя бы небольшие коррективы. Распустить гарем ведь не так сложно. Сложно отпустить Софью... Она же не захочет со мной остаться. Не захочет.

Но если я это сделаю, то осчастливлю и маму, и свою любимую женщину, от которой у меня не просто захватывает дух. Разве смогу я жить после без нее рядом. Разве смогу понимать, что больше не буду иметь возможности прикоснуться к ней, взять когда заблагорассудится. Я не смогу этого!

Мне сложно... Сложно отказаться от нее. Она наркотик. Мой личный наркотик...

– Мама, я отпущу Софью, я распущу гарем. Они будут свободны. Завтра же я это сделаю. Сейчас ночь, смысла нет. А вот завтра – да. Обещаю тебе! – склонил голову.

Да... Я это сделаю. Она права. Это в моих в силах. Пусть я изменю не все Эмираты. Я изменю только свой эмират, я ведь не просто человек, я эмир своего эмирата. В моих руках власть. А если через годы я стану главой всех Эмиратов, то смогу изменить ситуацию уже не локально.

– Спасибо, сынок! – взяла меня за руку и с теплотой посмотрела в мои глаза. – Ты Великий Человек! Ты соединил Восток и Запад, потому что в тебе соединились Восток и Запад.

Ее слова очень грели. Никогда ранее я не испытывал столько гордости от своих действий. А сейчас понял – творить добро может быть приятным...

Дав задание своему помощнику, чтобы предоставил маме документы, банковские карты и личный автомобиль, сказал ему, что теперь у нее полная свобода перемещения. Его ошарашенный вид меня даже немного забавлял. Вот ведь как. Только вчера и подумать не мог, что сделаю подобное, а сегодня я меняю систему...

Вернувшись к себе в номер, застал Софью снова мило спящей. Трогать ее не хотелось. Разбужу – нужно ведь рассказать ей, что она свободна, что может уйти в любой момент. А этого мне очень не хотелось. Сидя на кровати возле нее, не решался пошевелиться.

Но молчать ведь вечно не получится. Я обещал маме и слово свое сдержу. Сказать ей сразу после пробуждения или дать нам возможность еще немного насытиться друг другом?!

Словно по волшебству Софья открыла глаза, она смотрела на меня, явно, в ожидании, что я что-то ей очень важное намереваюсь сказать. Она словно чувствует меня. Словно знает...

Я же как будто набрал в рот воды. Как сказать той, от кого без ума, что готов ее отпустить. Ведь можно не отпускать... И пользоваться ее доступностью и безотказностью. Я закусил губу. Это сложно! Очень сложно!

– Софья, ты свободна. Ты вольна ехать, куда пожелаешь. Ты можешь уйти прямо сейчас. Я скажу своим людям, чтобы вернули твои документы и заплатили тебе за неудобства деньги, – произнес равнодушно, стараясь не смотреть на нее.

– Правда? – захлопала она глазами, сразу соскочив с кровати, будто и не спала.

Ее почти трясло, а слезы полились рекой. В этот миг я и сам понял, каково ей. Я понял, что она перенесла. И мне стало тошно. Тошно от себя. Тошно от того, что считал это нормальным. А ведь я и раньше подумывал, что как-то это неправильно. Правда не заострял внимание. Мне удобно, комфортно. Менять ничего не хотелось. Свой кайф я ставил превыше всего. Так нельзя. Так не должно быть.

Софья стала ходить по комнате, схватившись за голову. Ее трясло и мотало по периметру. Она не могла собраться с мыслями и осознать происходящее. Мне же от ее реакции было слишком больно. Усевшись на кровать, тихо мечтал, что она успокоится, подойдет ко мне и поцелует. Но она не спешила. Я дал ей право выбора: уйти или остаться.

Софья начала одеваться в чадру, а потом бросила на меня вопросительный взгляд. По глазам я понял, она боится, что я пошутил или могу передумать.

– Ты свободна. Можешь уйти прямо сейчас, – произнес, сам не понимая как.

Мне очень не хочется, чтобы она ушла. Хочу, чтобы осталась. Хотя бы на время... Хотя бы на эту ночь.

– Мне могут привести в аэропорт мой паспорт? – спросила она. – И денег на билет? – ее голос дрожал.

– Конечно. Я сейчас скажу своим людям, чтобы привезли все в аэропорт. Вот возьми, – достал из бумажника банковскую карту, на которой было чуть больше миллиона долларов. – Пароль 1481. Это на мелкие расходы. Ты хочешь прямо сейчас поехать в аэропорт? – тихо спросил.

– Да, сейчас. Если можно?

– Конечно можно, – каждое слово резало словно джамбия³.

Закутавшись в одеяние, спрятав в карман карту, села на небольшой пуф и начала смотреть на меня. Я взял свой телефон под ее бдительным взором и позвонил помощнику.

– Скажи, чтобы привезли документы Софии в аэропорт Абу-Даби. Подгони машину, ее нужно отвести в аэропорт.

– Да, господин, – уже без удивления он ответил.

Положив трубку, посмотрел на свою возлюбленную.

– Голодна?

– Нет, – резко ответила.

– Может душ примешь перед вылетом? Лететь не менее пяти часов.

– Нет, спасибо, не хочу, – сидела, сжавшись.

Ей было неприятно мое общество. Сейчас ей не нужно было играть любезность. Все, что было между нами, фальшь без единого намека на взаимность. Это я влюбился, а она позволяла любить, т. к. иного выхода у нее не было.

³ Джамбия – восточный кинжал с загнутым клинком.

Глава 15

Через несколько минут скупого молчания мы вышли из номера и спустились на лифте. Внизу ждала машина. Я собрался отвезти ее в аэропорт. На душе скребли не кошки, а пантеры. София... Почему ты уезжаешь? Разве совсем меня не любишь? Даже чуть-чуть? Самую малость? Неужто я вызываю в тебе только негатив?

Она молчала... А мне и не хотелось спрашивать. Боялся того, что скажет. Ведь сказать ей можно много чего... Например, что я рабовладелец и тиран. В чем-то она будет права.

Занятно, что буквально несколько дней назад такое сравнение со мной оскорбило бы меня. А сегодня я считаю, что в этом есть истина. Как меняется мировоззрение. Быстро и молниеносно. Хотя всегда считал, что после десяти лет его невозможно поменять. Только силой и жестким принуждением.

Мы сели в машину и снова в полной тишине поехали в аэропорт. Все кончено...

Софья Середина

Ночной Абу-Даби восхищал. Красивый яркий город, огни которого ослепляли. Если до этого у меня не было возможности осмотреть достопримечательности, то сейчас за ту короткую дорогу до аэропорта, что располагался в центре города, мне отчасти удалось это сделать.

Смотреть на Рашида не хотела. Боялась, что он вдруг передумает. Не знаю, что не него нашло и он вдруг решил меня отпустить. Быть может это из-за беседы со Светланой. Если она мне помогла, то буду благодарить ее всю жизнь. А ведь она хотела меня... убить.

Вдруг Рашид взял мою руку, когда машина уже подалась к аэропорту. Возможно захотел в последний миг без присутствия посторонних потрогать меня. В здании аэропорта это будет попросту невозможно.

– София, – поцеловал руку и пристально посмотрел в глаза.

От его взгляда стало страшно... Просто до жути. Вдруг передумает. Вдруг решит оставить в застенках, позволяя выходить только по своему велению. Пусть он будет человеком слова. Пусть будет настоящим мужчиной, а не треплом.

– Ты мне очень нравишься, – начал неторопливо он. – Я бы хотел с тобой видеться иногда. Если ты конечно не против, – смотрел щенячьим взглядом.

Как по мне, так я бы его вообще никогда бы не хотела больше видеть. Слишком сильно болят мои проколотые, истыканные, выжженные метки. Они постоянно отдают болью, если слишком сильно нажать. Они напоминают, как меня хотели подавить. Морально, физически. Устранить во мне свободную личность. Сделать рабыней, готовой на все... На все! Лишь бы не трогали! Не мучили!

Но разве я сейчас могу сказать ему об этом прямо, без прикрас? Нет. Он же слишком чувствителен к своей высокопоставленной персоне. Обидится – наградит россыпью... нет, не бриллиантов, а ударов плетью.

– Конечно я не против. Мне просто очень хочется увидеть родителей. Думаю, ты понимаешь. Я бы так быстро не сорвалась с места. Очень по ним соскучилась. Ведь даже не знаю, как они из-за моего пропажи.

Рука Рашида напряглась, сжимая мою ладонь чуть сильнее, чем того требовалось. Я же перестала дышать, очень надеясь, что не ляпнула лишнего. «Ты свободна» – говорит он... А ведь я еще не свободна. Свободный человек может сказать все, что думает. Но я сказать такого не могу. Не могу пока сказать ему, что он мне не нравится. Что он мне не просто не нравится, он кошмар всей моей жизни. И не могу спросить его. Хотел бы он встретиться с тем, кто вырвал

его из спокойного бытия и погрузил в рабство... Думаю, ответ очевиден. Не хотел. Но спрашивать его не буду.

Да, он очень красивый и сексуальный мужчина, который может одним лишь пальцем довести женщину до оргазма. Опыт, его не «пропьешь». Сколько у него было женщин? Сотни? Тысячи? На каждой отточил свой навык. Просто было желание научиться доставлять женщинам удовольствие.

– Я тебя понимаю. Ты меня ненавидишь. И тебе есть за что меня ненавидеть, – вдруг заговорил. – Так же я понимаю, что ты больше не пожелаешь меня видеть. И знаешь, от чего мне страшно? От того, что я никогда тебя больше не увижу. Ты просто не позволишь нам больше видеться. София, прости меня. Я не ведал, что творил. Правда не ведал. Я не понимал, что ты тоже человек. Честно скажу, я до сих пор чувствую диссонанс в моей голове. Но я прошу тебя. Позволь мне хотя бы писать тебе. Оставь адрес электронной почты. Я хотел бы написать тебе хотя бы раз. Пусть ты не дашь ответа, но я все равно написал бы, – выглядел не как всевластный шейх, а как... влюбленный мужчина.

Он правда влюблен или лишь притворяется? Любовь такого мужчины... Чистая и не требующая взаимности это настолько необычно...

А мне все-таки льстит его интерес, его безответное желание. Да, я бы и сама с таким мужчиной могла закрутить роман, если бы он не сковал меня цепями. Что сейчас? Хочу ли я продолжения? Разумеется, нет! По крайней мере, сейчас я совершенно не готова к этому... Но ему скажу другое.

– Дай листик и ручку, запишу свой адрес.

– Ты можешь продиктовать, я запомню, – смотрел пристально в глаза, что-то в них высматривая.

Возможно хотел понять, вру ли я.

Назвав действующий адрес электронной почты, гадала, а не станет ли это для меня ловушкой. Вдруг в его письме будет и какой-нибудь троян. Впрочем, у них уже есть мой адрес почты, поэтому бояться и не стоит. Никто ведь не заставит меня пользоваться ей.

– Я буду скучать, – поцеловал мою руку, а мне вдруг захотелось поцелуя в губы.

Мне почему-то казалось, что он прижмется страстно к моим губам, зажмет в крепких объятиях на прощание. Но Рашид не шелохнулся.

– Твои документы привезли, – заговорил. – Прощай, Софья. Будь счастлива! – поцеловал руку вновь.

Открыв мне дверь, выпустил меня наружу. Теплый аромат города вновь ворвался в мои легкие. Прохлада автомобиля, вызванная работой кондиционера, сильно контрастировала с жарой вечернего Абу-Даби. Возле машины стоял мужчина. Он передал мне в руки мой паспорт и пошел к своему автомобилю, припаркованному чуть дальше. Оглянувшись, посмотрела сквозь чуть припущенное затемненное стекло. Встретившись взглядом с Рашидом, поймала его воздушный поцелуй. Через секунду машина тронулась и оставила меня одну на территории аэропорта.

Глава 16

Три недели прошло с тех пор, как я вернулась домой. Жизнь начала течь своим чередом. Родители не могли опомниться от радости, да и я была безумно счастлива. Поехала заработать денег на безбедную жизнь, попала в беду. Правда денег я все-таки заработала. Рашид дал мне не просто карту, а почти золотую. Когда я зашла в аэропорт, то первым же делом решила проверить ее баланс. Все боялась, что на билет не хватит.

Семизначная сумма взбудоражила мое воображение. Такому повороту фортуны сложно было поверить. Пара недель страданий, несколько несмываемых меток на теле и сумма на покупку отеля при мне. Но хотела ли я таких «быстрых» денег или лучше бы, как и ранее планировала, заработала бы их сама? Конечно нет.

Лучше, если бы ничего этого не было. Только время не вернуть, как и ничего не изменить. Но я почему-то грущу. Сажу в своей детской комнате в квартире родителей и плачу. Не постоянно, но часто. Чем-то занять себя не могу. Пытаюсь отвлечься, но постоянно мысленно возвращаюсь туда. Как будто эти древние тактики порабощения действительно действуют. Словно он меня привязал к себе какими-то неведомыми нитями. Или быть может все просто. Моя женская гордость задета...

Рашид за эти три недели так и не написал письма, а ведь очень просил. Что забыл адрес почты? Если бы хотел, уже бы выяснил у своего помощника. Видно, не хочет. Видно, не влюблен, как мне показалось ранее. Видно, я что-то нарисовала в своем травмированном стрессе мозгу...

– Дочь, – мама постучала в дверь.

– Да, заходи, мам! – окликнул я ее.

Из-за того шока, который испытали родители, когда я пропала, они боялись меня отпустить. Холили и лелеяли. Мама постоянно готовила любимые блюда, папа любил вечером завести душевные беседы.

– Как ты? – задала уже ставший стандартным вопрос.

– Хорошо.

– Может к психологу походишь?

– Что? – засмеялась.

– Ну ты пережила травму, тебе нужна помощь специалиста.

– Мам, ничего мне не нужно. Я прекрасно себя чувствую.

– Уверена? Ты ото всех отгородилась. С подругами не общаешься, а они хорошие психологи, говорят.

– Не знаю о чем мне с ними говорить. Правда не знаю.

– Тебе нужно выговориться.

– Мама, я выговорила. Тебе сказала.

Да... ей я рассказала, но ведь не все... Не все... Ее нежная психика точно не выдержит той информации, что может выбить почву у любого из-под ног. Особенно, учитывая тот факт, что произошло это с дочерью. Ей и отцу я поведала лайт-версию, без жутких подробностей.

– И потом. Ты не волнуйся. Я хотела в ближайшие дни поехать в Европу. Планирую ведь купить отель.

– Ой, дочь! Никуда я тебя не пушу. С ума сошла? Поехать она собралась. Лучше посиди-ка ты дома!

– Ты же переживаешь, что закрылась в четырех стенах, – усмехнулась.

– Ну я про подруг говорила, а не про Европу. Ладно, Сонька, ты решай конечно сама. Ты девчонка уже взрослая. Но я, если с тобой что случится, кони двину! Поняла? Так что береги себя для нас с отцом. Поняла? – посмотрела на меня сердито.

– Хорошо, мам, буду беречь.

Мама оставила на компьютерном столе, за которым я сидела, чашку чая и тарелочку с печеньем. А потом, окинув грустным взглядом комнату, где давно следовало прибраться, вышла. Я же снова стала мониторить сайты европейских агентств недвижимости. В планах было купить небольшой отель. Ведь я это столько лет планировала. Сен-Тропе, Канны, Ницца... Ах, просто мечта. Не даром же еще и французский выучила.

Все мои ровесники выросли на современных фильмах о супергероях, я же возвращена на французской классике. Быть может поэтому никогда не покидала мысль перебраться в родную страну Францию и окунуться в колоритную жизнь в теплом климате.

Вдруг компьютер оповестил о новом сообщении. Безразлично щелкнув кнопку входа в почту, думала это от интернет-магазина, где я несколько минут назад заказала ноутбук. Но то было совсем другое сообщение... Которое я так ждала и которое так боялась получить. Оно было от Рашида.

Сглотнув ком в горле, начала читать...

«София, здравствуй! Надеюсь, ты находишься в добром здравии. Хотел написать тебе сразу же, но решил сделать паузу. Ты имела право на тишину от меня. Я и так слишком много был в твоей жизни. Слишком много навязывался. Прошу тебя о встрече. Хотя бы на пару минут. Готов прилететь в любое время. Ты только скажи» – сообщение было на русском.

Перечитывая его снова и снова, рыдала. Не знаю почему, но я не видела причин отказать Рашиду во встрече хотя бы на пару минут. Это ведь будет на моей территории. Там, где у меня уже будут реальные права, а не мифические. Так захотелось почувствовать себя с ним равной. Потому что равной там я с ним не была. Не могла общаться на равных.

Руки так и тянулись скорее написать ответ, но выждала. Он сделал паузу, паузу стоит сделать и мне. Даже хотя бы всего в несколько минут.

Отпив глоток чая, нервничала, словно... перед первым свиданием. Какой он? Какой он, когда женщина с ним на равных? Как будет себя вести? Добиваться или командовать? Любопытство распирало и я, не в силах более терпеть, написала короткий ответ.

– Здравствуй, Рашид. Приезжай через три дня в Москву. Готова с тобой встретиться у памятника Минину и Пожарскому и погулять по Красной площади в полдень по местному времени, – написала, улыбнувшись.

Сердце тарабанило в груди. Казалось, происходит что-то нереальное. Шейх готов приехать к простой стюардессе. Как он отнесется к тому, что я поведу его не просто погулять по главной площади страны, но и позову в Мавзолей, а также в Макдональдс. Улыбка не сходила с моего лица. А ведь если он согласится на такой финт, то мне тоже как-то нужно добраться до Москвы из родного города.

Через минуту пришел ответ еще более короткий, чем мое послание...

«Я буду» – написал он.

* * *

Выходя из метро ровно в 11.55, нервничала. Переживала по двум причинам. Во-первых, о том, чтобы с ним не было его бравых солдат. Во-вторых, о том, будет ли он вообще на этой встрече. Переминаясь с ноги на ногу, боялась идти. Влажные руки выдавали волнение, а волнительное предвкушение все же заставляло взять себя в руки и пойти.

Подойдя ровно в полдень, не увидела Рашида. Поблизости не было ни одного мужчины в традиционном восточном одеянии... Сразу какое-то разочарование заволокло и я только собралась уйти, как он все же подошел ко мне. Одетый... в джинсы и рубашку с сексапильно зачесанными волосами. Он там был и до моего прихода, просто я его не узнала.

– София, – держал приличную от меня дистанцию, не решаясь приблизиться. – Здравствуй.

– Здравствуй, – смаковала его взглядом.

А ему чертовски идет европейская одежда! Так и не скажешь, что шейх. По виду вполне смахивает на красивого итальянца. Поджав губы, рассматривала каждую деталь, почти любуясь.

– Ты один?

– Да, – одарил нежным взглядом.

– Не боишься? – деловито сдвинула брови.

– Нет. Мне стоит тебя бояться?

– Конечно же нет. Добро пожаловать в Россию. Пойдем погуляем по Красной площади.

– Пойдем. Только пока я тебя ждал, то внимательно рассматривал этот памятник, – показал он на величественную скульптуру.

– Да? И что тебя так заинтересовало?

– Вот, смотри, – указал на барельеф под статуей. – Видишь, это символ ислама, – ткнул пальцем в небольшую луну со звездой. – А это, – показал на шапки нескольких человек. – Это пиллос – головной убор свободных людей в Римской империи.

– Что? – опешила от его наблюдательности. – Что это значит?

– Не знаю. Как сама думаешь? Римская империя, символы ислама... И все это на памятнике, который находится в столице России, – улыбнулся.

– Я не знаю!

– Вот и я не знаю. Ладно, пойдем погуляем, – вдруг схватил меня за руку, так, чтобы я уцепилась за него.

Вышагивая в сторону Красной площади, улыбался.

– Мне это говорит о том, что не так уже мы с тобой и далеки. Все это условно, – вспомнил о вроде закрытой теме. – Мы едины... А ты как думаешь?

– Возможно ты и прав, раз старинные скульптуры, которым много лет, изображают вроде совершенно разные символы вместе.

Чувствуя его руку, понимала, как ему сложно. Восточный мужчина не будет демонстрировать нежность в отношении женщины прилюдно. Но он старается... Старается для меня быть таким же как и я. Может ему все же стоит сделать шанс. Только вот... как же его жены... дети, семьи.

– Рашид, ты, наверное, понимаешь, что я жуткая собственница, – сразу решила огоршить.

– Да? И что?

– Ну что мы будем делать?

– София, ты, наверное, понимаешь, что у меня есть определенные обязательства перед семьей, которые я не могу нарушать. С женами я не буду разводиться. Но и они не будут запрещать видиться с тобой, они уже мне как сестры. К ним нет никаких романтических чувств. Если тебя это устраивает, я буду безумно счастлив. Так что выбор за тобой, – вдруг остановился на входе на Красную площадь.

Посмотрев на него, закивала. Нам обоим, чтобы даже просто общаться, нужно идти на определенные компромиссы. Он на них пошел. Да и пойду. Почему нет?..